

Ігорь Мацкевич

Военный следователь

военной
прокуратуры
и его дела

18+

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРІДІЄШІ

Игорь Мацкевич

**Военный следователь военной
прокуратуры и его дела**

Издательский дом «Городец»

Мацкевич И. М.

Военный следователь военной прокуратуры и его дела /

И. М. Мацкевич — Издательский дом «Городец»,

Детективный сборник «Военный следователь военной прокуратуры и его дела» состоит из пяти новелл, объединенных общими персонажами. Это захватывающие истории из мира следствия, прокуроров и военного трибунала, рассказанные непосредственным участником событий. В основу книги легли реальные дела, в ней нашлось место эпизодам, которые недоступны сторонним наблюдателям. Изнанка крайне ответственной и важной профессии.

Неизвестные герои своего времени. «Ибо все те, кто прошел службу в военной прокуратуре, имеют негласный сертификат качества», как говорил сам Игорь Михайлович. Помимо прочего, читателю предлагается самостоятельно отгадать, в каком году происходили события, относящиеся к каждой новелле.

© Мацкевич И. М.

© Издательский дом «Городец»

Содержание

Дело военторга	6
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Игорь Михайлович Мацкевич

Военный следователь военной прокуратуры и его дела

© Мацкевич И.М., 2024

© ИД «Городец», 2026

© Рудакова Е.Д., иллюстрации, 2026

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

@ Электронная версия книги подготовлена ИД «Городец» (<https://gorodets.ru/>)»

Дело военторга

3 июня. 11:00

Крисп вернулся с осмотра места происшествия. Настроение у него было скверное.

Застрелился офицер, майор, который попал под сокращение. Перед этим, как сказали сослуживцы, он много пил. Особенно сильное впечатление произвел на покойного, как рассказывали свидетели, распад Вооруженных Сил Советского Союза. Майор был родом из Украины, когда-то служил в Галиции. Не любил об этом рассказывать, но говорили, что пару раз в конце 1950-х сталкивался с бандеровцами. Труп застрелившегося майора был найден в служебном кабинете. Перед тем как пустить последнюю пулю себе в рот, он расстрелял из табельного пистолета Макарова, так называемого ПМ, Устав Вооруженных Сил СССР, который поставил перед собой. Вот такие дела.

На столе была обнаружена предсмертная записка: «Я служил в другой армии и в другой стране. Нет ни армии, ни страны. Прощайте».

Изобретатель ПМ – Николай Федорович Макаров – не дожил до распада армии, которой посвятил всю свою жизнь, три года, он умер в 1988 году.

«Судьба, – подумал Крисп. – Может, и хорошо, что не дожил... Грешно, но для Макарова лучше».

Раздался телефонный звонок.

– Это я, – сказал Розин, и Крисп буквально сквозь телефонную трубку почувствовал запах дешевого сигаретного дыма, выпущенного зональным военным прокурором военной прокуратуры Московского военного округа.

– Привет, – ответил Крисп. – Что хорошего?

Он понимал, что ничего хорошего от звонка Розина ждать не приходится и ничего хорошего тот не скажет.

– У нас ЧП, – подтвердил его догадку Розин. – Самоубийство начальника военторга. Выезжай, машину за тобой я направил. Я тоже собираюсь.

– Еще одно? – спросил Крисп и про себя подумал: «ЧП, ПМ, какие-то очень похожие аббревиатуры».

– Что значит «еще одно»? – спросил Розин.

– Я только недавно с места происшествия. Майор в кабинете пустил себе пулю в рот. Прошел все дальние гарнизоны, а записку такую оставил, что хоть самому стреляться.

– Ну-ну, – строго сказал Розин. – Ты мне это прекрати. Здесь другое. И подозреваю, шуму будет до самых кремлевских звезд.

– Понял, – сказал Крисп. – Криминалисты ваши будут?

– Нет. Из МВД. С Петровки, 38. По-моему, они уже там.

– Нельзя ли...

– Нет, – оборвал Криспа Розин. – Начальство будет в полном составе. Я уже никого не остановлю.

– Затопчут ведь все, – простонал Крисп.

– Затопчут, – подтвердил Розин.

Спустя час Крисп, сложившись пополам из-за своего почти двухметрового роста, вылез из черной «Волги», которую ему прислал Розин, и вошел в подъезд дома на улице Сретенка. За время службы в военной прокуратуре Крисп побывал в самых разных квартирах и самых разных домах: он видел, что называется, хоромы и видел убогие жилища, в которых доживали

свою короткую жизнь опустившиеся спившиеся люди. Дом, в который он вошел, разумеется, был из списка хором, здесь даже была консьержка, хотя Криспа этим было не удивить: это не первый подъезд в его служебной карьере с консьержкой, где совершались преступления.

Крисп быстро поднялся на третий этаж по лестнице, прошел мимо стоявшего около двери офицера с петлицами войск общекорпусного значения, который молча его пропустил (на петлицах военной формы Криспа были всем понятные щит и меч), и вошел в квартиру, закрыв за собой дверь.

В квартире было на удивление тихо. Это было тем более неожиданно, что в прихожей толпились по меньшей мере три генерала. Между ними находился подполковник Розин. Несмотря на то что Розин был младше по званию, в данной ситуации главным был именно он, а не генералы.

– Крисп, – обратился Розин к вновь вошедшему, таким образом представляя его генералам, и обдал его запахом дешевых сигарет (даже когда он не курил, стоило ему открыть рот, как оттуда вылетал табачный дым). – Проходи. Криминалисты работают.

Розин медленно провел ладонью, рассекая воздух между генералами, и те послушно расступились, пропуская Криспа.

– Здравия желаю, – спокойно сказал Крисп, обращаясь сразу ко всем, чтобы не гадать, кто среди генералов какую должность занимает.

– Здравствуй, – сказал за всех генерал-лейтенант, высокий и статный, с осыпанными сединой висками.

Крисп прошел между генералами и остановился в нерешительности.

– В спальне, – подсказал ему Розин.

Квартира была большой. Сразу после прихожей (которая, к слову, как раз была маленькой) располагались створчатые двери с матовым стеклом. Крисп толкнул двери и вошел в госте-

вой зал. Планировка была стандартной, справа располагалась одна комната, слева – две. Крисп понял, что надо идти направо, потому что слева, очевидно, были служебный кабинет и еще какая-то комната (может, детская?). Он открыл дверь в спальню и увидел двух криминалистов, ползающих на коленях по полу. Они оглянулись на вошедшего.

- Капитан Крисп, – отрапортовал Крисп.
- Сергей, – сказал один (он был в очках).
- Андрей, – сказал второй.
- Валентин, – сказал Крисп и огляделся.

На полу между кроватью и бельевым шкафом лежал труп мужчины лет пятидесяти в неестественной позе (подумав так, Крисп невольно усмехнулся, – может ли труп лежать в естественной позе). Погибший был одет в пижаму, которая была распахнута и скомкана под ним, под пижамой были белая майка и черные семейные трусы. Крисп машинально отметил, что такие трусы он не назвал бы «семейные», они были аккуратными, не такими, какие продавались в бывших советских магазинах. Труп лежал на спине, левая нога была подвернута под правую. Голова покойного была запрокинута назад, рот и глаза открыты, под затылком – лужа крови.

- Пулевое ранение в голову, – констатировал Крисп.
- Да, – ответил Сергей.
- Стрелял себе в рот, – продолжил озвучивать нехитрые догадки Крисп.
- Точно, – опять сказал Сергей.
- Оружие? – спросил Крисп.
- Пока не нашли, – ответил Андрей. – Мы недавно начали.

Крисп огляделся. В спальне, как и во всей квартире, царил порядок. Из окна лился дневной яркий свет.

– А что кровать такая мягкая, – спросил, ни к кому не обращаясь, Крисп и провел ладонью по покрывалу, которое было все в бугорках, словно на нем кто-то валялся.

– Может, он сначала на кровати лежал, раздумывал стреляться или не стреляться, – предположил Андрей, продолжая ползать на коленях по спальне.

- Может быть, – отозвался Крисп.
- Протокол ты будешь писать? – спросил Сергей.
- Да, – ответил Крисп. Он нисколько не смутился такому быстрому переходу на «ты».

Наоборот, ребята ему понравились, и он понял, что с ними ему будет работать легко.

Крисп открыл папку, которую он держал в правой руке, вынул бланк и чистые листы бумаги.

– Ребята, хотите верьте, хотите нет, – сказал Крисп, – но сегодня это второй случай у меня, когда человек стреляет себе в рот.

Крисп присел на край кровати, снял фуражку, огляделся и начал писать протокол осмотра места происшествия. Он решил начать с описания туалетного столика и дальше идти по кругу по часовой стрелке, как учили. Эта работа не меньше чем часа на три, но зато с ребятами можно будет переговорить, может, они чего найдут, а может, чего и пояснят, так сказать, не для протокола. Какие-то вещи и детали в протокол не запишешь, ведь там должны быть только голые факты.

– А вот и пистолет, – сообщил Сергей, аккуратно доставая из-под шкафа, рядом с которым лежал труп, пистолет марки Макаров, такой же ПМ, который Крисп сегодня уже описывал на другом месте происшествия.

– Пакуем, – отозвался Андрей и вынул из криминалистического чемоданчика полиэтиленовый пакет.

Крисп оторвался от протокола и задумчиво произнес:

- Как он туда попал?
- Под шкаф? – уточнил Сергей. – Отдача, наверное.

– Может быть, – сказал Крисп и вернулся к описанию спальни.

«Вполне может быть, что во время рокового выстрела рука самоубийцы дрогнула, и пистолет выскользнул и под давлением пороховых газов полетел под шкаф», – мысленно объяснил себе местонахождение пистолета Крисп. У девятимиллиметрового Макарова (ПМ), который был принят на вооружение в 1951 году вместо, как считалось, устаревшего ТТ (Тульский Токарев – пистолет, разработанный тульским оружейным мастером Федором Федоровичем Токаревым, первый отечественный самозарядный пистолет), отдача во время выстрела была вполне себе приличной. Пистолет Макарова (ПМ) стал одним из самых распространенных пистолетов в мире. Им были вооружены не только военнослужащие Советской армии (главным образом офицеры), но и сотрудники правоохранительных органов, а также многие сотрудники специальных военных и военизированных подразделений. По советской лицензии ПМ производился в странах социалистического лагеря Восточной Европы, а также в других странах мира. ПМ весил восемьсот десять граммов, был прост в обращении и надежен при стрельбе. Убойная сила пули сохранялась до трехсот пятидесяти метров, так что выстрела в рот для сведения счетов с жизнью было более чем достаточно.

Подумав так, Крисп сказал:

– Надо проверить, сколько патронов в магазине.

– Семь, – тут же ответил Сергей. – Все сходится.

У ПМ была одна конструктивная особенность, в конструкции был применен свободный ударник, имеющий пружину, которая должна была удерживать его в заднем положении. Из-за этого пистолет при падении мог самопроизвольно выстрелить. Но в данной ситуации учитывать такую вероятность было бессмысленно. Сложно было себе даже теоретически представить, что пистолет самопроизвольно выстрелил начальнику военторга прямо в рот.

– Гильза еще должна быть, – сказал Крисп, обращаясь сразу и к Андрею, и к Сергею. – Вот она действительно могла от ricochet куда угодно.

– Ищем, – сказал Андрей.

В спальне все было аккуратно, все на своих местах. Крисп всегда завидовал такому порядку. У него-то порядка не было ни на рабочем столе, ни дома. Как в таких случаях обычно говорят, царил творческий беспорядок. На самом деле никакой не творческий, а самый обычный беспорядок. Раз в год Крисп пытался разобраться в бумагах, наваленных на столе дома и на работе, что-то мужественно выкидывал, и очень скоро именно эта выкинутая бумажка, которая в течение года ему была совершенно не нужна, вдруг оказывалась необычайно востребованной.

После того как Крисп закончил описание спальни (гильза нашлась возле окна, при этом Крисп не нашел, как ни искал, следы на шкафу возле трупa или на стене, где она могла оставить отметину, когда ricochet полетела после выстрела к окну, что, впрочем, вполне могло быть объяснено хорошим качеством шкафа и стены, о чем, естественно, он писать в протоколе не стал – только сухие факты, где и как была обнаружена гильза), он обошел все комнаты и вышел в прихожую. Генералов стало там еще больше, плюс еще несколько старших офицеров в звании полковника и три человека в гражданском.

«Особисты», – подумал Крисп. На него никто не обратил внимания, военачальники тихо перешептывались между собой.

Начальник военторга – это, конечно, не министр и даже не командующий военным округом, но тоже величина не маленькая. И звание генерал-полковника интендантской службы имел.

Кроме того, начальник военторга – это человек, как говорится, со связями. Советская торговля – это особая система отношений, государство в государстве. В условиях хронического дефицита посредством торговли можно стать человеком, обладающим не только деньгами (в советской системе координат деньги это не главное), но и высокопоставленными покровите-

лями. Торговля – не только двигатель прогресса, как говорил известный сатирик и эстрадный артист Аркадий Райкин, но и двигатель карьеры, как не без оснований полагал знакомый Криспа из ОБХСС, с которым они как-то столкнулись по делу об одной небольшой краже из магазина, совершенной несколькими солдатами. Этот же знакомый вывел замечательную формулу, которую пытался последовательно претворять в жизнь, причем далеко не всегда без успеха: сколько лет торгош проработал в магазине, на столько лет он должен быть посажен. Кстати, такой же точки зрения придерживался подполковник Розин, нынешний зональный военный прокурор, которому подчинялся Крисп.

Черный юмор среди прокурорских работников распространен не в меньшей степени, чем среди медиков. Оно и понятно, и там и там люди сталкиваются со смертью и чьей-то трагедией. Зацикливаться на этом – прямая дорога к психиатрам или надо просто искать другую работу.

Крисп не разделял таких радикальных взглядов по поводу «посадок», но отдавал себе отчет, что, как ее тогда втихую называли, «торговая мафия» имеет собственные щупальца во многих кабинетах советских государственных учреждений.

Сбоку к Криспу незаметно подошел Розин и, взяв его под локоть, вывел на лестничную площадку. Там возле двери по-прежнему стоял высокий капитан в общевойсковой форме Вооруженных Сил СССР. Крисп машинально отметил ничего не выражавшее лицо капитана, а также то, что его форма навряд ли имеет место к его действительному месту прохождения службы.

Вместе с Криспом Розин вышел на улицу, достал мятую дурно пахнущую сигарету и с наслаждением затянулся. Крисп попытался увернуться, но струя вонючего дыма обдала его с головы до ног.

– Ну что? – спросил Розин.

– Самоубийство, – ответил Крисп.

– Точно?

– В смысле? Что ты хочешь услышать? – не понял Крисп.

– Дело будет нешуточное, – после паузы произнес Розин. – Дым будет стоять коромыслом.

И Крисп, и Розин как раз сейчас стояли в облаке вонючего дыма от сигареты Розина, – отметил про себя Крисп.

– Понятно, – сказал Крисп.

– Вряд ли, – сказал Розин. – Ты в курсе про дело по военторгу?

– Как все.

– Как все, – передразнил Розин. – Если ты помнишь, дело было о хищениях на миллионы.

По нему успели отчитаться на самый верх.

– На самый? – спросил Крисп.

– Не ерничай, – ответил Розин. – Некоторые из наших умудрились даже внеочередные звания получить, а кое-кто и повышение по службе.

– Слышал об этом, – сказал Крисп. – По-моему, в числе последних и ты оказался.

– Да, – с усмешкой согласился Розин.

Розин не обиделся. Они с Криспом давно друг друга знали и могли говорить открыто.

– Только потом все пошло наперекосяк. Следственную группу поменяли, дело заволокинули, и оно начало разваливаться на глазах.

– Ну да, – подтвердил Крисп.

Крисп присутствовал на совещаниях, когда членов следственной группы хвалили, и на других совещаниях, когда членов этой же следственной группы по делу военторга поносили последними словами.

– Думаешь, самоубийство начальника с этим связано? – спросил Крисп.

– А это самоубийство? – спросил Розин.

Крисп пожал плечами:

- Никаких фактов, что это не самоубийство, я не нашел.
- Не нашел, – как эхо повторил Розин.

Он бросил окурок на тротуар, пожал руку Криспу, развернулся и направился в сторону подъезда.

- Кто будет надзирать за делом? Кому докладывать? – спросил ему вслед Крисп.

– Пришли протокол осмотра места происшествия мне, – ответил Розин. – Там видно будет.

Неожиданно Розин остановился и вернулся. Он был хмур и не вполне на себя похож, из чего Крисп сделал для себя вывод, что дело о самоубийстве начальника военторга для Розина имеет серьезное значение. Крисп давно таким уставшим Розина не видел, ему даже показалось, что тот постарел.

– Знаешь, – сказал Розин, – почти все, кто был в первой следственной группе, когда дело по военторгу было только что возбуждено, получили поощрения, а ребята из второй следственной группы, которые сейчас занимаются этим делом, – взыскания.

Розин помолчал и вновь пошел к подъезду, бросив на ходу:

- Протокол пришли мне. Это дело твоим не будет.

3 июня. 13:00

История советских военторгов берет начало с конца 1918 года. В самом разгаре была Гражданская война, которая началась почти сразу же после подписания сепаратного мирного договора с Германией в Брест-Литовске 3 марта 1918 года. К декабрю 1918 года положение молодой советской республики не выглядело уже так безнадежно, как это казалось летом. Красная Армия окрепла, разными способами ее создателю Льву Троцкому удалось привлечь к ее руководству грамотных офицеров царской армии, среди которых особенно выделялись Сергей Сергеевич Каменев, полковник Генерального штаба последнего российского императора Николая II, и генерал Алексей Алексеевич Брусилов, один из инициаторов и главных организаторов Луцкого прорыва в июне 1916 года, в результате которого была разгромлена четвертая австро-венгерская армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда (позже это наступление стали называть Брусиловским прорывом). (Сын Брусилова, Алексей, по настоянию отца вступил в Красную Армию и в 1919 году погиб при не до конца выясненных обстоятельствах. По одной из версий, его взяли в плен белые офицеры, долго над ним измывались, прежде чем убить, по другой – он, наоборот, перешел на сторону белого движения и погиб то ли в боях, то ли от тифа.)

Кто именно предложил создать систему обеспечения армии особыми подразделениями, неизвестно, но очевидно, что это было сделано с учетом опыта Первой мировой войны, когда особенно на первом этапе громадной проблемой стал подвоз боеприпасов, обмундирования и продовольствия в регулярные части, находящиеся на передовой.

Назывались созданные пункты обеспечения Красной Армии всем необходимым красноармейскими лавками. Приказом Революционного Военного Совета Республики (РВСР) № 373 от 13 декабря 1918 года за подписью Льва Троцкого было создано Центральное управление красноармейских лавок (ЦУКЛ). Инициатором создания РВСР или Реввоенсовета как высшего коллегиального политического органа руководства Красной Армией был все тот же Троцкий. В основном структура РВС состояла из: управления делами, полевого штаба, штаба Красной Армии, бюро военных комиссаров, высшей военной инспекции, центрального управления снабжения, морского отдела, военно-революционного трибунала, военнотрибунального совета.

В соответствии с приказом были развернуты военные склады, специальные отделения и лавки, куда централизованно доставлялось обмундирование и продовольствие (снаряды, оружие и боеприпасы поставлялись по отдельной системе).

В июле 1919 года ЦУКЛ передали Центральному управлению снабжения Красной Армии. Таким образом система снабжения армии стала единой (не только обмундирование и питание, но и боеприпасы и оружие), что в условиях войны было, конечно, весьма важно.

В 1921 году, когда Гражданская война неумолимо шла к своему логическому завершению и победа Красной Армии не вызвала сомнений, при военных гарнизонах стали создавать специализированные военные потребительские общества (ВПО). Эти потребительские общества создавались в развитие Декрета № 150 «О потребительской кооперации», в соответствии с которым были отменены некоторые военные ограничения, связанные с продразверсткой, то есть безвозмездные изъятия так называемых излишков продовольствия у крестьян. Вместо этого советским госслужащим (заготовителям) было предоставлено право обмена и скупки сельскохозяйственной продукции, а также разрешено скупать продукцию, изготовленную кустарным способом. В то же время в соответствии с декретом устанавливалась монополия на распределение предметов продовольствия и широкого потребления, поскольку эти товары не могли распределяться среди населения иначе, чем посредством потребительской кооперации, причем в каждой местности должно было быть не более одного подобного объединения.

Одновременно в военных округах создавались военно-кооперативные управления. Идея заключалась в том, чтобы недалеко от военных частей функционировали специализированные магазины для красноармейцев, в которых те могли купить себе необходимые им бытовые товары, включая продукты питания, по относительно невысокой цене. Первоначально эти магазины были только для военных, и никто, кроме военных, не имел права в них отовариваться.

С какого момента вместо слова «лавка» стало употребляться слово «военторг», неизвестно. Можно предположить, что слово «военторг» звучало благозвучнее, чем старорежимное – «лавка», отдававшее мелкобуржуазным частным магазином.

Первые военторги были созданы в Воронеже и Екатеринбурге.

Вскоре в системе Центросоюза (потребительская кооперация) появилось Всероссийское военно-кооперативное управление, которое отвечало за работу военторгов.

Несмотря на очевидный успех первых шагов военторгов (система снабжения Красной Армии была налажена, красноармейцы не испытывали недостатка ни в чем), в июле 1924 года военная торговля неожиданно закрылась. Военторги в Москве и в других городах расформировались. Систему снабжения Красной Армии передали Центральному рабочему кооперативу.

Возможно, это решение связано с переходом Страны Советов к мирной жизни и с максимальной демилитаризацией страны, насколько это в условиях агрессивно настроенных соседей было возможно. Кроме того, содержать огромную армию было не по силам ослабленной войной стране.

Впрочем, продолжалось это недолго. Новый руководитель Советского государства Иосиф Сталин начал движение не только в сторону индустриализации страны, но и в сторону ее максимальной милитаризации, обоснованно предполагая неизбежную скорую новую войну.

Военторги вновь были открыты в 1929 году, и их сеть стала быстро распространяться по территории страны в местах дислокации военных частей. Их возрождение в том числе было вызвано нехваткой продовольствия в военных частях. Сталин же огромное внимание уделял развитию Красной Армии и тому, чтобы красноармейцы и особенно руководящий начальствующий состав армии не только ни в чем не нуждались, но и чувствовали себя элитой общества и государства.

При Центральном и областных потребсоюзах были созданы военно-кооперативные секторы, которые были обязаны взять под контроль обеспечение военных кооперативов бытовыми товарами, обмундированием и продуктами питания.

В апреле 1932 года было создано Центральное военно-кооперативное управление. Наконец, 17 октября 1935 года специальным постановлением Совета Народных Комиссаров создается Центральное государственное объединение военной торговли и обслуживания производственно-бытовых нужд армии и флота под сокращенным названием Центрвоенторг. В прямое и непосредственное подчинение Центрвоенторгу были переданы все основные предприятия военной торговли Центросоюза. 3 апреля 1938 года Центрвоенторг был реорганизован в Главное управление военно-торговыми предприятиями (Главвоенторг). В 1939 году в дополнение к Главвоенторгу были также созданы Главвоенфлотторг и Главспецторг.

Таким образом, к началу 1940-х годов сложилась целостная вертикальная система военторгов.

Особое место в этой системе занимали полевые военторги. Они должны были обслуживать Красную Армию в военное время. Их структура включала военторг-магазин (полковую лавку), дивизионный военторг, военторг фронта и армейский магазин.

Все полевые военторги были обязаны сдавать выручку один раз в шесть дней в полевой банк. Расходование средств из этой выручки военторг-магазинам не разрешалось. Однако допускалось расходование определенной суммы из дохода организаций общественного питания, принадлежащих полевым военторгам. При этом полевые военторги кредитовались независимо от их доходности. Все возможные убытки военторгов сразу же покрывались Главвоенторгом Народного комиссариата торговли СССР. В определенных случаях, когда полевой военторг испытывал временные трудности с финансированием, он мог получить ссуду вне плана сроком сорок пять дней у полевой конторы Госбанка. Очевидно, что такие поблажки просто не могли не повлечь за собой злоупотреблений. Впрочем, об их масштабах ничего неизвестно, потому что к тому времени любая статистика о преступности в Красной Армии была засекречена.

Интересна работа полевых военторгов в Прибалтике по обслуживанию частей, находящихся за границей. 4 января 1940 года заместитель Председателя Правления Госбанка СССР Самуленко утвердил «Положение о расчетно-кредитном обслуживании всех операций Особторга, Главвоенторга Народного комиссариата торговли СССР в Латвии, Эстонии и Литве».

(Арсений Герасимович Самуленко был арестован 20 октября 1940 года. 9 июля 1941 года, вскоре после начала Великой Отечественной войны, Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством безжалостного Ульриха приговорила его к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной организации и шпионаже. Самуленко был расстрелян 30 июля 1941 года, в тот момент, когда Красная Армия терпела одно сокрушительное поражение за другим от нацистского вермахта. Реабилитирован 18 июня 1955 года.)

Так путем проб и ошибок накапливался опыт государственного хозяйствования СССР, в том числе в деле организации военторгов.

Во время Великой Отечественной войны значительное количество сотрудников военторгов ушли на фронт. Численность военнослужащих аппарата Главвоенторга и окружных военторгов сократилась в три раза. Кроме того, многие работники, например жены офицеров, которые до войны работали в стационарных военторг-магазинах, были эвакуированы из близлежащих к линии фронта городов. В то же время значительно сократились рыночные фонды на большое количество важных товаров, поставляемых в военторг-магазины. Ситуация усложнялась также значительными потерями технических средств и товаров во время упорных боев с германскими нацистами на территориях приграничных военных округов. Только в первые шесть месяцев войны Главвоенторг потерял больше трехсот пятидесяти миллионов рублей. Особенно эти потери касались автолавок военторгов. В этой связи в июле 1941 года вышел совместный приказ Народного комиссара обороны СССР и Народного комиссара торговли СССР, которым было утверждено Положение по организационным и правовым основам деятельности полевых военторгов в новых условиях военных действий. В соответствии с новым Поло-

жением на Главвоенторг возлагалась вся полнота ответственности за организацию армейских и фронтовых полевых военторгов, которые должны были обеспечивать личный состав продовольствием. В числе прочего в их задачи входило осуществление организации общественного питания и предоставление бытовых услуг командному составу Красной Армии. Для полевых военторгов выделялись специальные фонды промышленных и продовольственных товаров, проводилась децентрализованная заготовка незерновых сельскохозяйственных продуктов. Для доставки товаров начальники тылов армий выделяли военторгам большое количество автофургонов.

В дополнение к переустройству системы военторгов в военное время летом 1941 года стала появляться посылочная торговля. За несколько месяцев 1941 года было продано шестьдесят пять тысяч посылок. Полный товарооборот всех военторгов до конца 1941 года достигал ста десяти миллионов рублей.

Фронтовые военторги могли обслуживать лишь полевые управления на фронтах и военные части. Армейские же военторги функционировали совершенно автономно. Автолавки не были введены в штат соединений, а оставались в распоряжении армейских военторгов. Из-за этих, а также других организационных неразберих были созданы предпосылки к дефициту товаров, что почти сразу же привело к перебоям в продаже товаров повседневного спроса красноармейцам.

Поэтому 31 августа 1941 года была издана Инструкция по деятельности фронтовых и армейских военторгов и полевых военторгмагазинов. В совместном приказе Народного комиссара обороны и Народного комиссара торговли СССР подробно излагались обязанности и права основных работников военторга. Были утверждены особенности взаимодействия в военное время военторгов с управлением торговли и порядок деятельности военторг-магазинов.

Контроль за работой полевых военторгов осуществлялся Главным управлением продовольственного снабжения Красной Армии. Был создан специальный отдел, который руководил деятельностью Главвоенторга по выполнению задач военторгов, соответствующих директивам Ставки Верховного Главнокомандования.

Начиная с 1942 года при военторгах организовывались подсобные хозяйства. Эти хозяйства стали источником снабжения мясом, картофелем, молоком, рыбой и овощами Красной Армии. Товарооборот военной торговли составлял шестьсот миллионов рублей. Количество военторгов, солдатских столовых и полевых кухонь возросло в три раза. На фронтах появились полевые чайные. Были также организованы пошивочные, сапожные и часовые мастерские. Даже в периоды передислокации войск солдатские и офицерские столовые могли постоянно обеспечивать весь командный состав свежей пищей, а военторги – необходимыми товарами повседневного спроса.

Товарооборот военной торговли в деятельности военторгов к концу 1943 года приблизился к миллиарду рублей. Весной 1944 года Красная Армия вышла к государственным границам СССР, которые были на 22 июня 1941 года, и двинулась в Румынию. Военторгам необходимо было снабжать солдат Красной Армии за пределами страны. Нужно было менять формы работы военторгов и взаимодействия с местным населением для поставки продовольствия военторгам, что отразилось в изменениях порядка заключения договоров с военторгами по закупкам. Новые задачи также появились в связи с ценами и проведением расчетов военторг-магазинов в иностранной валюте. В 1944 году Государственный комитет обороны издал специальное постановление, согласно которому Главвоенторг должен был расширять собственные продовольственные базы. По этому постановлению сельские подсобные хозяйства, поставляющие продукцию военторгам, должны были организовываться при каждом полевом военторге. Сеть военных предприятий росла в основном за счет прачечных, швейных, сапожных мастерских, фотоателье, парикмахерских, а также предприятий, которые производили товары широкого потребления.

Война превратила военторги в совершенно новую структуру. Помимо прочего, военторги помогали солдатам и офицерам приобретать те предметы, которые не входили в интендантский перечень, например иголки и нитки, карандаши и бумагу, одеколон и лезвия для бритвы, пуговицы и расчески, трубки, мундштуки и кисеты, зажигалки и карманные зеркала. Начальники военторгов естественным образом стали весьма заметными и нужными людьми. Продолжала развиваться и совершенствоваться система продажи посылок с товарами повседневного спроса. Такие посылки отправлялись как на фронт (в большинстве случаев), так и с фронта домой. Например, в 1944 году таких посылок военторгом было продано около пяти миллионов. Наверное, в посылках, которые направлялись домой солдатами и офицерами, были уже те самые военные трофеи, которые после окончания войны большим потоком пошли с запада на восток в СССР.

Главвоенторг, который был головной организацией по снабжению армии и флота товарами и продуктами питания, в начале войны возглавлял Г. А. Зайцев. С августа 1942 года по октябрь 1943-го его сменил И. Р. Хохлов. Они были штатскими людьми, хотя имели некоторый опыт ведения торговли и организации военторг-магазинов в боевых условиях. Тем не менее в октябре 1943 года начальником Главвоенторга был назначен кадровый военный генерал-майор интендантской службы Кочетков, который был на фронте с первого дня войны, был полковым комиссаром, членом Военного совета Волховского фронта. Павел Васильевич Кочетков разбирался в работе военторгов и сумел наладить более качественное соответствие торгового обеспечения нуждам военно-полевой жизни. Указом Президиума Верховного Совета ССР 21 февраля он был награжден орденом Ленина, что по тем временам было для людей, не находящихся на передовой, очень редким явлением.

Под конец Великой Отечественной войны в полевых военторгах насчитывалось около тридцати тысяч служащих, в то время как во внутренних округах было почти пять тысяч предприятий торговли, непосредственно подчиненных Главвоенторгу.

Учитывая особенности централизованного финансирования военторгов и то, что они, что называется, по определению не могли быть убыточными, Главвоенторг превратился в огромное предприятие, которое имело существенные преимущества перед всеми остальными хозяйствующими субъектами в СССР, поскольку всегда гарантированно обеспечивалось сырьем и рынком сбыта.

3 июня. 15:00

Крисп закрыл военный журнал, поставил его на полку большого книжного шкафа в отделе периодической печати и направился к выходу из Ленинской библиотеки. Он довольно часто заходил в Ленинку, как называли главную библиотеку страны все студенты (он еще не забыл свои студенческие годы, да и разве можно их забыть), и был единственным среди своих сослуживцев из военной прокуратуры, кто имел читательский билет и время от времени посещал здание, находящееся над одноименной станцией метро.

Розин постоянно беззлобно подтрунивал над ним, говоря, что тот не иначе как собрался писать диссертацию. Крисп в ответ лишь усмехался. Он наверняка бы занялся диссертацией, если бы не был так увлечен своей работой.

Самоубийство начальника военторга, конечно, его заинтриговало. Дело было не столько в самом факте этого резонансного происшествия, сколько в том, что все то огромное дело о злоупотреблениях в системе военторга начиналось несколько лет назад на глазах у Криспа. Он помнил совещания у военного прокурора Московского военного округа, помнил доклады руководителей следственной группы, помнил схемы, которые вывешивались на доске, о том, как проходили хищения, помнил, как военный прокурор буквально осыпал благодарностями всех, кто участвовал на начальном этапе расследования.

Помнил он также, как шушукались другие следователи и прокуроры, которые говорили, что военному прокурору Московского военного округа не дадут покоя лавры участников расследования «рыбного дела», когда на скамье подсудимых оказались высокопоставленные чиновники, включая министра рыбного хозяйства, и что прокурор перед уходом на пенсию (ему оставалось служить еще два года) хочет получить свои пять минут славы.

(«Рыбное дело» стало раскручиваться в 1976 году и было связано со вскрывшимися злоупотреблениями в сети так называемых фирменных магазинов «Океан». Примечательно, что на первом этапе фигурантами дела стали директора Фельдман и Фишман (прямотаки говорящая фамилия в последнем случае). Руководитель СССР Леонид Брежнев дал поручение подключиться к делу сотрудникам КГБ. В результате заместитель министра рыбного хозяйства Владимир Рытов был расстрелян, а его непосредственный начальник – министр Александр Ишков был уволен с должности и избежал смертного приговора только благодаря личному указанию Брежнева его не трогать.)

Сам Крисп про себя удивлялся, зачем так широко освещать ход расследования хищений в системе военторга. Пусть даже все эти схемы докладывались на совещании и не предназначались для непрофессиональных глаз, но все равно зачем трубить в фанфары, пока дело не передано в суд (как минимум, а как максимум хорошо было бы дожидаться обвинительного приговора). Каким-то десятым чувством Крисп ощущал приближение катастрофы. И эта катастрофа разразилась спустя полтора года. Сначала руководитель следственной группы ушел на повышение, а затем стали вскрываться факты фальсификации доказательств, находящихся в деле о хищениях в военторге. Во избежание нарастающего скандала военный прокурор Московского военного округа был немедленно отправлен на пенсию (так что свои пять минут славы он получил, но получил таким вот витиеватым образом), а следователи из следственной группы направлены по местам своей постоянной службы (некоторых отправили в другие весьма отдаленные гарнизоны формально тоже на должности, которые были выше, чем те, которые они занимали до этого).

Дело о хищениях в военторге после этого практически встало. Крисп, разумеется, специально им не интересовался, но сослуживцы втихомолку толковали о том, что за прошедший год по делу не было произведено ни одного следственного действия. Поговаривали также, что немногочисленные фигуранты (мелкие сошки по большому счету), которые были в ходе предварительного следствия арестованы, давно выпущены из следственных изоляторов.

Самое главное, что начальник военторга даже в те моменты, когда тучи над его головой, казалось, сгустились самым темным образом, не был не только не арестован, но даже не был допрошен. Будто бы разрешение на его допрос следовало получить чуть ли не у министра обороны, а тот такого разрешения вроде как не дал.

Крисп полагал, что, скорее всего, до министра просьба о допросе не дошла. А не дошла эта просьба потому, что просьбы не было.

Конечно, Крисп не был посвящен в детали расследования о хищениях в военторге, но из тех схем, которые демонстрировались на совещаниях, он отлично понимал, что до фиксации, как говорится, железобетонных доказательств ребятам из следственной группы было очень далеко.

Дела о хозяйственных преступлениях всегда были самыми сложными (это вам не мордобой между сослуживцами доказывать, который пусть даже назывался страшным словом «дедовщина»). Дела о махинациях в сфере торговли вообще были уделом элиты представителей следствия. Не случайно следователи, которые ими занимались, всегда были как минимум «важняками» (следователи по особо важным делам), и не случайно таких следователей в прокуратуре было всегда очень мало. Многие из них, помимо юридического образования, имели экономическое, а нередко и еще какое-либо. Причем они находились в состоянии постоянного совершенствования собственных знаний, все время учились на курсах переподготовки и про-

ходили их в весьма элитных учреждениях, например в Институте повышения квалификации руководящих кадров прокуратуры СССР (бывших высших курсов переподготовки руководящих работников прокуратур республик, краев и областей), в том числе и за рубежом, между прочим, в странах социалистического лагеря, куда они отправлялись на стажировку.

В военной прокуратуре таких следователей, по мнению Криспа, не было ни одного. Строго говоря, в армии ни хозяйствования, ни торговли не было. Кроме военторга, конечно. Были подсобные хозяйства при некоторых воинских частях, были и злоупотребления, с ними связанные, но это, строго говоря, были мелочи, не тянувшие на масштабные хищения.

Крисп вспомнил, как впервые столкнулся с буднями военторга, когда проходил вместе с другими студентами военные сборы под Клином. Многие студенты, избалованные домашней едой, плохо переносили солдатскую кухню и ходили питаться в солдатскую чайную, «чапок», как это небольшое заведение называлось на солдатском сленге. В «чапке» была продавщица в традиционном белом фартуке с косынкой на голове, ей было на вид тридцать с небольшим лет, она была миловидна и приветлива. Студентов она, конечно, отличала, смеялась над их необычными шутками, а студенты едва ли не полностью скупали пирожки, имевшиеся в наличии, чем вызывали естественное недовольство у солдат. Насколько помнил Крисп, дошло даже до ограничений в продаже пирожков для студентов, что, впрочем, вскоре было отменено (видимо, просто увеличили количество поставляемых продуктов специально под студентов).

В то время Крисп не особенно задумывался о том, что такое военторг, для чего он создан и как функционирует. Единственное, что он знал: товары в военторге отличаются по качеству и ценам в лучшую сторону и есть определенные товары, которые продаются только военным.

Теперь, спускаясь в метро «Библиотека имени В. И. Ленина», он думал о странностях в системе управления военторгом, который в течение долгого времени находился в подчинении двух ведомств. Главвоенторг подчинялся и Наркомату обороны СССР, и Наркомторгу СССР, что усложняло работу всей системы военторгов. Доходило до абсурда, когда военторгам отказывали в строительстве помещений на территории воинской части и в ремонте автотранспорта в воинских частях, несмотря на то что этот автотранспорт занимался только тем, что доставлял товары в военные магазины («чапки» в первую очередь).

Крисп слышал, что логичное объединение системы военторгов под единое начало, которым должен был стать Наркомат обороны, наталкивалось на препятствие со стороны Наркомторга, что было вполне естественно, поскольку Наркомторг не хотел отпускать от себя такой лакомый кусок, который приносил стабильную прибыль, причем безо всякого риска (ведь все убытки покрывались за счет государства). Но против объединения, как ни странно, выступал и Наркомат обороны. Военные опасались, что система торговли в их ведомстве может привести к злоупотреблениям со стороны тех лиц, которые вместе с этой системой придут (сами военные торговлей заниматься не умели, да и не хотели).

«Между прочим, опасались не без оснований», – думал Крисп в вагоне метропоезда.

Вопрос об объединении военторгов в единую систему был решен в 1956 году, когда министр обороны Георгий Константинович Жуков и министр торговли СССР Дмитрий Васильевич Павлов (кстати, занимавшийся во время Великой Отечественной войны снабжением армий, защищавших Ленинград) обратились в Совет Министров СССР с соответствующим предложением. В результате 4 июня 1956 года было принято решение о передаче Министерству обороны всех предприятий Главвоенторга. Кто был инициатором этого решения, Крисп так и не понял, но полагал, что, скорее всего, это было политическое решение в духе тогдашнего руководителя страны Никиты Хрущева, который был склонен к упрощениям и объединениям.

С тех пор военторги подчинялись непосредственно министру обороны, а их руководители имели звания – интенданты военной службы (Д. В. Павлов был генерал-лейтенантом интендантской службы), которые, впрочем, были исключены из реестра воинских званий в 1984 году. Последним генерал-майором интендантской службы стал Ефим Ильич Гольдберг.

С одной стороны, такое объединение дало свои положительные результаты: система стала логически завершенной, все командиры округов и начальники гарнизонов стали нести ответственность за торговое обслуживание своих солдат и офицеров.

С другой стороны, армия стала в большей степени заниматься не свойственным ей делом. Едва ли не при каждой части создавались так называемые подсобные хозяйства, и личный состав в лице солдат и даже прапорщиков оказался втянут в кормление свиней, сбор еды для них и распределение мяса для солдатской и офицерской столовой (вместо того чтобы заниматься боевыми учениями). Командиры, сами того не заметив, стали центром притяжения многочисленных злоупотреблений, поскольку за их подписями мясо якобы уходило в столовую, а товары (в том числе и дефицитные, включая электронную технику, которая не имела широкого распространения, но пользовалась колоссальным спросом) – офицерам и почему-то даже солдатам, у которых, очевидно, не было средств на их приобретение.

Короче говоря, военторги предсказуемо стали колоссальной головной болью для Министерства обороны, а чтобы эта боль особенно не допекала, большинство руководителей военного ведомства абстрагировались от проблем, связанных с военной торговлей и хозяйствованием при воинских частях, переложив всю тяжесть ответственности на соответствующих заместителей, которые, естественно, не преминули переложить свою порцию ответственности на специальные службы, которые стали мини-торговым ведомством внутри огромного военного ведомства, своего рода государством в государстве. Причем бюджет этого государства подкреплялся теневыми доходами, что всегда сопровождает торговлю во все времена во всем мире. «Там, где есть денежные знаки, есть теневые миллионеры» – так, кажется, говорил Остап Бендер? Или как-то по-другому, но близко к этому.

Каким образом и между кем распределялись эти теневые доходы, оставалось только гадать. Впрочем, лучше об этом было не думать, что Крисп до недавнего времени успешно делал.

Теперь ситуация изменилась. Он втянут в расследование самоубийства начальника военторга. И хотя Розин сказал ему, что это дело его не касается, Крисп был в этом не уверен.

«Что-то мне подсказывает, что касается, – думал Крисп, когда открывал дверь своей однокомнатной квартиры. – Или скоро коснется».

4 июня. 9:00

На следующее утро Крисп, как обычно, сидел в своем рабочем кабинете и допрашивал молодого лейтенанта («лейтеху»), который во время бытовой ссоры с женой получил от нее удар по голове сковородкой и в ответ двинул ей кулаком в лицо, после чего та ударилась затылком о бетонную стену кухни и упала на пол. Вызванные врачи скорой помощи отвезли пострадавшую в больницу, где через два дня, не приходя в сознание, та умерла.

Дело было, как говорится, очевидное, но требовалось провести все необходимые следственные мероприятия, включая разные экспертизы, в том числе на предмет вменяемости «лейтехи».

Сам лейтенант ничего не скрывал, каялся, временами плакал, постоянно спрашивал, когда будет суд (ему не терпелось отправиться отбывать наказание). Ситуация усугублялась тем, что лейтенант продолжал жить в той же квартире, где произошло убийство (пусть совершенное по неосторожности, но убийство), и главное – в этой же квартире жили родители погибшей жены, которые в момент инцидента были на своей даче. Собственно говоря, они практически все время там жили, кроме зимы, но теперь, после гибели дочери, демонстративно переехали в город.

Крисп с ужасом думал о том коктейле, в котором пребывали все эти люди, ежедневно каждый вечер неизбежно сталкиваясь в местах общего пользования (на весь день лейтенант

уходил из дома и болтался по городу, большую часть времени околачиваясь недалеко от военной прокуратуры, и Крисп вынужден был его допрашивать чуть ли не каждый день, чтобы хоть чем-то того занять). Теперь Крисп знал о лейтенанте все, начиная с того самого момента, когда тот перестал писаться в постель во сне. Знал он все и о недолгой семейной жизни лейтенанта, история которой была похожа на сотни подобных семейных историй. Молоденькая школьница пришла на выпускной бал в военное училище, увидела лейтенанта, влюбилась в него. Все возражения родителей были отменены (что они понимают в любви), в скором времени состоялась свадьба. Затем лейтенанта распределили в весьма далекий гарнизон, и молодая жена категорически отказалась туда ехать. Но и расставаться с молодым мужем не захотела. Поэтому она упростила папу, который хотя и был на пенсии, но имел связи, подключиться к решению проблемы, и лейтенанта оставили в столице. Сам лейтенант был этому совсем не рад, он-то как раз вполне резонно считал, что, пока молодой, лучше начинать службу с трудностей. Да и военная карьера вдалеке от столицы строилась быстрее. А потом начались упреки, размолвки и ссоры, которые из словесных весьма скоро переросли в кулачные бои. Причем лейтенант в этом противостоянии выступал всегда в роли боксерской груши. Единственный раз, когда он ответил, был тот самый удар, после чего молодая и любимая (несмотря ни на что) жена отлетела к стене и врезалась в нее затылочной частью своей красивой головы.

Неоднократно Крисп ходил к военному прокурору и просил дать санкцию на арест лейтенанта, предупреждая, что либо тот сам с собой что-то сделает, либо родители погибшей дочери с ним что-то сделают. Но прокурор говорил, что времена сейчас не те, чтобы всех подряд в следственный изолятор направлять, да и суд может вынести приговор, не связанный с лишением свободы.

Таким вот образом продолжалась эта бодяга с лейтенантом уже больше месяца.

На столе у Криспа зазвонил телефон. Крисп снял трубку и услышал голос Розина:

– Ты один?

– Минуту. Подождите в коридоре, – сказал Крисп лейтенанту, и тот покорно вышел за дверь. – Теперь один.

– Привет. Что там у тебя?

– Привет. Убийцу жены допрашиваю.

– Какого убийцу? Впрочем, ладно, это потом. Надо встретиться. Давай в Нескучном саду.

Через сколько сможешь подъехать.

– Через час.

– Договорились.

Крисп понял, спрашивать, что случилось, бесполезно, позвал из коридора «лейтеху» и стал завершать очередной допрос, который ничего нового для дела заведомо не давал.

Когда Крисп подошел ко входу в Нескучный сад, Розин уже ждал его. Они обменялись рукопожатием и пошли вглубь парка.

– Вот какое дело, – после продолжительного молчания начал Розин (Крисп его не торопил). – Пропали жена и дети начальника военторга.

– То есть как?

– Когда начальник военторга застрелился, их не было дома, они были на даче.

«Прямо как родители жены “лейтехи”», – отметил про себя Крисп, сплошные аналогии.

– Впрочем, они на этой даче чуть ли не круглогодично проживают, – продолжал Розин. – Дети даже там в местной школе учатся. Я, разумеется, дал команду сообщить им о трагедии. Офицер съездил и сообщил... Утешил. Хотя как тут можно утешить?

Розин с досадой махнул рукой, словно пашкой рубанул (Крисп вспомнил, что Розин происходит из кубанских казаков), и продолжил:

– Договорились, что жена сегодня приедет для опознания. Опознание, конечно, формальное, но ты сам знаешь – обязательная программа.

– Понятно, – согласился Крисп.

– И она не приехала. Я подождал несколько часов, а потом отправил за женой, ну, в смысле – вдовой, служебную машину.

– И?

– Час назад водитель вернулся и сказал, что на даче никого нет.

– В смысле?

– Дача закрыта, он во все двери и окна стучал. Потом заехал в местное отделение милиции, оттуда позвонил мне, и я дал команду участковому вскрыть дачу.

– И?

– Вскрыли. Аккуратно. Местный плотник у них там – золотые руки. Зашли – а на даче пусто.

– Обыск? – спросил Крисп.

– Пока не проводили, – ответил Розин и тяжело вздохнул.

– Хочешь меня туда направить? – понял Крисп.

– Ты даже не представляешь, как не хочу. Вообще не хочу, чтобы ты этим делом занимался.

– Повторяешься. Ты это уже говорил.

Они подошли к «Зеленому театру», который находился на набережной реки Москвы. Листья деревьев колыхались под легким летним ветерком. Близился вечер, но на улице еще было тепло.

– Пойдем выпьем пивка, – предложил Крисп.

– Лучше чая, – ответил Розин.

– Там чая не будет.

Они подошли к небольшому ларьку, возле которого находилось несколько высоких столов, почти упиравшихся в грудь человека, позволявших тому самому человеку пить пиво стоя, время от времени ставя кружку на этот самый стол. Народу было немного. Пиво здесь было подороже (но отменного качества), поэтому местные пьяницы сюда особо не заглядывали. Плюс совсем недалеко находилось отделение милиции, что также не способствовало желанию рядовых выпивох лишний раз здесь светиться.

Крисп подошел к окошку ларька и заказал два пива. Когда он его принес Розину, который ждал возле пустого стола, тот снова вздохнул и немного поморщился.

– Ты что? – удивился Крисп.

– Сейчас будут на нас таращиться, а я этого не люблю, – сказал Розин.

– Будут, – согласился Крисп, – но по одной кружечке можно.

– Ладно, – опять махнул рукой Розин и взял кружку.

Крисп и сам не любил выпивать на людях, будучи в форме. А сейчас они с Розиним оба были в форме. Спасало только то, что немногочисленным гражданам было не до них, они пришли сюда обсуждать собственные заботы, а не таращиться на двух людей в военной форме и не присматриваться к петлицам в виде щита и меча на их кителях.

– Ну? – спросил Крисп, когда они оба сделали по хорошему глотку свежего пива. Оно было прохладное, и пить его было приятно. – Ты начнешь рассказывать или нет?

Розин вздохнул и уточнил:

– Ты про хищения в военторге?

Крисп утвердительно качнул головой и вновь пригубил пива.

– Если ты думаешь, что я знаю какие-то невероятные секреты, то хочу тебя разочаровать. Ничего я не знаю. Дело, строго говоря, было для торговли обычное. Я-то не специалист по таким делам. Но мы в следственной группе привлекли несколько экспертов из ОБХСС, и они нам рассказали, что хищения заключались в основном в пересортице и утаивании части прибыли. Это, если хочешь знать, для торговли обычное правило. Иначе прибыли не получить.

Извини за каламбур. А прибыль для торговли – святое. Тем более что в военной системе нет никаких подпольных цехов, как в светском производстве.

– Но, судя по докладам, которые ваша следственная группа делала на совещаниях, масштабы были впечатляющие, – сказал Крисп.

– Да, впечатляющие, – согласился Розин, – но не такие впечатляющие, как в Минрыбхозе. Только дело в том, что на какие-то там масштабы мы даже не успели выйти, как началось торможение дела.

– Сверху? – спросил Крисп.

– Не знаю, – ответил Розин. – Точнее говоря, я не понял откуда.

Он глотнул пива и продолжил:

– Понимаешь, как-то быстро прикомандированные обэхэссэшники от нас ушли. Явно по команде. И начались косяки: кто-то неправильно что-то задокументировал, кто-то не вовремя поехал изымать деньги, кто-то не оформил надлежащим образом выемку. Причем эти косяки делали не члены следственной группы, а молодые следователи, которых нам давали в помощь. За ними надо было следить, их надо было учить, но у нас рук на все не хватало. А потом нас всех стали сначала по одному, а потом по несколько человек из группы выводить.

– Как-то это объяснили?

– Мне сказали, что основную работу я сделал, оформлять дело в суд будут другие.

– Там же до суда еще как до луны? – вопросительным тоном сказал Крисп.

– Ты же знаешь, – устало ответил Розин и глотнул пива, – приказы не обсуждают. К тому же, как ты правильно давеча заметил, меня не просто откомандировали, но и направили на другую, причем вышестоящую должность.

– Ты, кстати, до сих пор не проставился, – поднял кружку Крисп и чокнулся с кружкой Розина. – За повышение!

– За повышение, – грустно сказал Розин и продолжил: – Понимаешь, чем дольше я про все это думал, тем больше понимал, что дело военторга тухлое. Но не потому, что хищений не было, а потому, что хищения были не того уровня, о котором отчитались. Поспешили наши начальники. И главное доказательств было с гулькин нос.

– Ну и не переживай. Свою должность ты заработал честно. Пересидел, я бы сказал, – заметил Крисп.

– Я не переживал бы, если бы не самоубийство начальника военторга, – сказал Розин и потянулся за пачкой сигарет. – Как-то он странно покончил с собой.

– Что значит «странно»? – спросил Крисп.

– Не вовремя.

– А ты знаешь, когда самоубийством кончают вовремя?

– Не ерничай, – сказал Розин и обдал Криспа вонючим дымом.

– Ну, ладно, – сказал, сморщившись, Крисп. – Дело ты мне не передаешь?

– Нет, – ответил Розин.

– Тогда что ты от меня хочешь?

– Дело я принял к своему производству, – сказал Розин.

Крисп не смог скрыть удивления. Обычно зональные военные прокуроры дела лично не вели.

– От тебя я хочу, чтобы ты со мной прокатился до дачи начальника военторга и посмотрел непредвзятым глазом, что там и как, – сказал Крисп.

– Когда едем? – спросил Крисп.

– Сейчас докурю и едем. Машина на Ленинском проспекте стоит.

Розин облокотился на столик и сказал:

– И еще одно.

– Что?

– В машине о деле не болтать.

4 июня. 14:00

Возле дачи их ждал участковый милиционер.

– Капитан Федоров, – представился милиционер, и Розин с Криспом поздоровались с ним за руку.

– Пройдем в дом, – сразу предложил Розин, и они втроем прошли внутрь.

Дача была хорошая, добротная. Это не был традиционный летний домик, сбитый из досок, который, как правило, продувался насквозь, а сложенный из бревен самый настоящий дом, с камином, предназначенный для круглогодичного проживания. Такой дом мог себе позволить далеко не каждый гражданин Советского Союза, и даже не каждый представитель Министерства обороны.

В доме был порядок, все вещи находились строго на отведенных им местах, и было очень чисто.

– Сами убираются или есть домработница? – спросил Крисп.

– Приходит местная тетя Шура, – ответил Федоров, поняв, что вопрос адресован ему.

Они обошли весь дом. Ничего необычного видно не было. Везде царил абсолютный порядок. Видимо, жена (вдова) начальника военторга была женщиной очень строгой. Или строгим был ее муж... бывший муж.

«Интересно, – подумал Крисп, – на службе у него был такой же порядок, как дома и на даче?»

– Так, – сказал Розин. – Давайте-ка аккуратно тут все посмотрим, в порядке, так сказать, последственных мероприятий, а потом надо будет побеседовать с тетей Шурой.

– Анастасия Петровна Иванова, – сказал Федоров, – она ждет в отделении милиции.

– Оперативно, – не удивился Розин. – А почему тетя Шура?

– Не знаю, – ответил Федоров, – хозяйка так ее звала, а Анастасии Петровне было без особой разницы. Главное, что платили вовремя и хорошо и люди были вежливыми и приветливыми. К тому же с детками ихними Анастасия Петровна всегда находила общий язык.

– Ладно, – сказал Розин. – Давайте осторожно посмотрим, на месте ли их вещи.

Все разошлись по разным комнатам. Через тридцать минут Розин вышел из дома, сказал Федорову, чтобы тот шел в отделение милиции, закурил свою вонючую сигарету и спросил у Криспа:

– Ну, что думаешь?

– По-моему, они просто уехали, – сказал Крисп.

– Уехали, – задумчиво произнес Розин. – Интересно, куда и почему?

– В московской квартире, как я понимаю, их нет, – сказал Крисп.

– Правильно понимаешь. Хуже того, я полагаю, что их нет в Москве. Я дал команду, и сотрудники оперативно связались со всеми их родственниками и знакомыми, которые проживают в Москве, – сказал Розин.

– Ты хочешь сказать, что они сбежали? – удивился Крисп.

– Как раз не хочу, но так получается, – сказал Розин и добавил: – Пойдем к Федорову.

Они пошли к калитке, а местный плотник «золотые руки», докурив папиросу, пошел закрывать вскрытую дверь дачи-дома начальника военторга.

У Федорова в его маленьком кабинете сидела женщина пятидесятилетнего возраста, хорошо одетая, но простая. Она была немного полновата, но в целом выглядела хорошо, лучше, чем простая уборщица. Держалась она напряженно, но скорее больше из любопытства, чем из-за тревоги.

– Здравствуйте, – поприветствовал ее Розин, усевшись на место Федорова, которое тот поспешил ему уступить.

– Здравствуйте, – ответила тетя Шура.

– Наверное, вам капитан Федоров в двух словах объяснил, о чем мы хотим с вами поговорить? – спросил Розин.

– Нет, – искренне удивилась тетя Шура.

«Молодец», – мысленно похвалил участкового Крисп, отметив, что таких профессионалов среди милиционеров остается все меньше.

– Мы хотим поговорить о семье начальника военторга, – продолжил Розин. – Вы у них работали?

– Подрабатывала, – уточнила тетя Шура. – Мое место работы – уборщица в детском садике. Но там платят, сами знаете.

– Понятно, – сказал Розин. – Как давно подрабатываете в доме начальника военторга?

– Чуть больше двух лет.

– Что скажете об их семье?

– Семья хорошая, дружная. Дети воспитанные. Ничего плохого сказать не могу. Муж, значит, все время на работе, жена по хозяйству, по дому, дети в школе. Все по-людски, как положено. Достаток. Нет, ничего не скажу, жили хорошо, дай Бог каждому так жить.

– В последнее время чего-то необычного не замечали?

– Что необычного? Муж и жена были дергаными. А как не быть, если вот-вот посадят человека. Сами небось знаете.

– Вы знали, что у них неприятности?

– Весь поселок знал. Дело уголовное. Сами знаете, – сказала тетя Шура и добавила с сарказмом, неприязненно посмотрев на Розина: – Неприятности...

«Да, – мысленно согласился с ней Крисп, – уголовное дело – это не неприятности, это намного хуже обычных неприятностей».

– Когда вы были у них в доме последний раз? – продолжал задавать вопросы Розин.

– Вчера. Убралась, как обычно, и ушла.

– Хозяйка с детьми была дома?

– Да.

– Вела себя как обычно?

– Как обычно, дергано... как обычно, – вновь не удержалась тетя Шура от сарказма.

– К ним никто не приезжал?

– Нет.

– По телефону не звонил.

– Звонил.

– Кто?

– Откуда же я знаю? Хозяйка трубку взяла, что-то там говорила. Телефон-то в другой комнате, в гостиной.

– Долго говорила?

– Да, наверное, где-то с полчаса.

– А потом?

– А потом я закончила уборку и ушла.

– Хозяйка вас провожала?

– Нет. Зачем? – удивилась тетя Шура. – Я всегда заканчивала уборку, относила принадлежности для уборки в стенной шкаф и уходила.

– И в тот вечер было так же?

– Ну да.

Тетя Шура подумала, внимательно посмотрела на Розина, на Криспа, который вместе с капитаном Федоровым сидел на стульях рядом с дверью сбоку от нее, и сказала:

– Хотя нет. Вчера, когда я уже подходила к калитке, она меня окликнула и сказала, чтобы завтра, ну, то есть сегодня, я не приходила.

– А вы приходили убираться каждый день? – уточнил Крисп.

– Ну да. Два года. Без выходных и проходных. Платили-то они хорошо.

– И все? – спросил Розин. – Сегодня вы их не видели и к ним не приходили?

– Не видела, – подтвердила тетя Шура.

Потом посидела и добавила:

– Но приходила.

– То есть? – не понял Розин.

– Да по привычке, – сказала тетя Шура. – Я же два года к ним каждый день ходила. Вот и сегодня, как на автопилоте, пошла. Подошла уже к калитке, а потом и вспомнила, что она мне не велела приходить. Ну, развернулась и пошла обратно домой.

– Во сколько это было? – встрепнулся Розин.

– Ну, где-то в час дня. Я обычно в это время всегда приходила. Как раз дети из школы возвращались. Сейчас-то, правда, они на каникулах.

– Ничего не заметили? – спросил Крисп.

– Нет.

– Ладно, – подытожил Розин. – Спасибо вам, Анастасия Петровна.

Розин поднялся со стула и протянул руку тете Шуре. Та с достоинством ее пожала.

Анастасия Петровна пошла к двери, здесь ей протянул руку Крисп и спросил:

– Анастасия Петровна, почему вас в доме начальника военторга называли тетя Шура?

– А меня тут все так называют, – ответила тетя Шура. – С тех пор как работаю уборщицей, так и зовут тетей Шурой. Уборщицы почему-то у всех либо тети Шуры, либо тети Клавы. Да я не обижаюсь. Моя работа хоть и не почетная, но важная.

– Спасибо, – сказал Крисп.

Тетя Шура, она же Анастасия Петровна, открыла дверь, обернулась и сказала:

– Я когда к дому начальника военторга по привычке шла, навстречу мне проехала черная «Волга». А когда от дома обратно к себе домой шла, опять мне навстречу проехала черная «Волга».

Розин встал из-за стола и обратился к капитану Федорову:

– Товарищ капитан, чайку можно сообразить?

– Сделаем, – ответил тот.

– Мы со следователем на улицу выйдем, туда принесете? – то ли спросил, то ли попросил Розин.

– Конечно.

Они сидели на крылечке возле деревянного здания отделения милиции и пили чай, который им заварил капитан Федоров. Розин вслух размышлял:

– Ну, вторая черная «Волга» – это машина моего водителя, которого я направил, чтобы выяснить, почему вдова не приехала на опознание. А первая черная «Волга» – это что?

В ожидании ответа на вопрос Розин обдал Криспа вонючим дымом.

– Черных «Волг» немного, – как бы про себя сказал Розин.

– Ну да, – отозвался Крисп. – Поэтому ты сказал, чтобы мы в машине о деле не говорили?

– Поэтому.

– Думаешь, что без КГБ не обошлось?

– Не знаю, – сказал Розин и после паузы продолжил: – Здесь что-то другое. Что – не пойму.

Розин сморщился, словно от зубной боли. Крисп с удивлением на него посмотрел. Они немного помолчали, и Крисп спросил:

– Что ты хочешь узнать? Дело-то очевидное. У начальника военторга неприятности. Он кончает жизнь самоубийством. Что тебя напрягает?

– Напрягает, – как бы про себя сказал Розин. – Что-то напрягает. Тебя во время осмотра места происшествия ничего не насторожило?

– Нет, – ответил Крисп. – Вроде все чисто. Самоубийство. Он лежал на кровати, видимо, обдумывал ситуацию, потом достал пистолет, засунул себе в рот. Потом сполз с кровати и на полу доделал начатое дело, застрелился.

– Почему на полу? – спросил Розин.

Крисп пожал плечами. Его это, честно говоря, тоже как-то смущало.

– Знаешь, судя по обстановке, он был очень аккуратным человеком. Любил, чтобы везде был порядок. Я думаю, он банально не захотел испачкать кровью постель, – ответил после паузы Крисп. – А что, у криминалистов другое мнение?

– Да нет, такое же. Впрочем, экспертиза еще не завершена. Все-таки странно, что на полу.

– Брось, – сказал Крисп. – Ты же сам знаешь, в каких нелепых местах и в каких нелепых позах кончают люди жизнь самоубийством. Помнишь самоубийство кинорежиссера Александра Серого? Тот, прежде чем пустить себе пулю в голову, обложил всю комнату газетами, чтобы кровью не запачкать обстановку.

Они еще раз помолчали. Крисп спросил:

– Как жена?

– Отдыхает в санатории в Ялте, – сказал Розин.

Крисп понял, что Розин имеет в виду один из ведомственных санаториев, которых было немало на юге страны.

– С детьми? – спросил Крисп.

– С детьми, – подтвердил Розин.

Розин опять задумался и повторил:

– С детьми... А эта куда с детьми сорвалась? На черной «Волге».

Крисп понял, что Розин имеет в виду вдову начальника военторга.

На крыльце появился капитан Федоров и обратился к Розину:

– Товарищ подполковник, вас к телефону.

Розин бросил сигарету, придавил ее каблуком, поставил на землю пустой стакан из-под чая и скомандовал Криспу:

– Пойдем. Вот сейчас все и узнаем.

Они едва ли не бегом бросились в отделение милиции, и Розин взял телефонную трубку, протянутую ему дежурным милиционером.

– Розин, – сказал Розин и после прослушивания информации спросил: – Где?

Потом, еще послушав, сказал:

– Еду.

Не обернувшись, предполагая, что Крисп следует за ним, Розин быстрым шагом двинулся на улицу. Крисп протянул руку капитану Федорову, махнул дежурному и побежал за Розиним.

На улице он поравнялся с Розиним.

– Убиты, – сказал Розин.

– И дети? – сразу сообразил Крисп.

– Да. Предположительно, вдова начальника военторга... И дети.

«Ну вот, – подумал Крисп, – теперь это дело касается всех».

4 июня. 21:00

В машине они ехали молча. Криспа подмывало спросить у Розина детали его телефонного разговора, но он видел мрачное лицо «зонального» и, кроме того, помнил, что Розин запретил вести разговоры в машине.

«Как-то все невесело», – подумал Крисп.

Они подъехали к набережной реки Москвы недалеко от стадиона «Торпедо» уже в сумерках. Улица была перегорожена, стояли милицмейские машины и карета скорой помощи.

«Может, живы», – глядя на скорую помощь, с тоской подумал Крисп, понимая, что тешит себя иллюзиями.

Розин рывком вылез из машины, Крисп побежал за ним. Им навстречу быстро двигался молодой лейтенант юстиции в форме военной прокуратуры. Крисп его не знал и догадался, что тот из специальной военной прокуратуры. Крисп толком не успел задуматься о том, что здесь делает офицер их спецпрокуратуры, как тот, откозыряв, обратился к Розину:

– Товарищ подполковник, лейтенант Петров. Прибыл на место происшествия согласно вашему указанию.

Розин поздоровался с Петровым и, не обращая внимания на удивленное лицо Криспа, спросил:

– Кто нашел тела?

– Девушка. Она здесь. Ее милиционеры допрашивают.

– Почему не вы? Я же приказал, чтобы дело вы сразу забрали себе, – слегка рассердился Розин.

– Не успел, товарищ подполковник. Я только прибыл. А они уже полным ходом допросы ведут. Довольно быстро работают.

В голосе Петрова прозвучало некоторое восхищение.

– Быстро, – передразнил его Розин, как совсем недавно повторяла вслед за Розиным слова тетя Шура, точно так же передразнивая его. – Накрутят милиционеры, потом замучаешься раскручивать. Ладно. Сейчас их трогать не будем, не хватает нам еще разборки устраивать с МВД. Давайте докладывайте, что успели выяснить?

Розин резко остановился на полпути к месту происшествия. Трупов не было видно, зато было видно, как в милицейском уазике человек в штатском улыбается молодой девушке и о чем-то с ней непринужденно разговаривает.

Крисп тоже посмотрел в сторону милицейской машины и понял, что это никакой не следователь из МВД, это опер. И он вовсе не допрашивает девушку, он собирает информацию, чтобы попытаться по горячим следам напасть на след убийцы... или убийц.

Лейтенант Петров едва не влетел в остановившегося Розина и, отпрянув назад, начал доклад:

– Значит так. Докладываю, товарищ подполковник. После вашего приказания я...

– Давай сразу о деле, – перебил его Розин.

– Понял. Труп обнаружила девушка, которая выгуливала собаку...

– Труп? – опять перебил его Розин.

– Ну да.

– Ты же мне сказал, что убиты вдова начальника военторга и ее дети?

– Так точно. Но первичная информация оказалась неточной. Я же докладывал, что предположительно. Сейчас выяснилось, что детей не убили.

– А где они? – спросил Розин.

– Разрешите все по порядку? – нервно попросил Петров.

– Давай, – сказал Розин, складывая руки на животе, чтобы, как понял Крисп, успокоиться и дать возможность лейтенанту доложить обо всем, что тот разузнал.

– Значит, так, – тоже пытаюсь успокоиться, начал доклад лейтенант Петров. – Девушка выгуливала собаку и увидела черную «Волгу», которая стояла рядом с парашетом, прямо на тротуаре. Из салона автомобиля человек в гражданском вытащил мешок, из которого торчали голые женские ноги, и собирался перебросить его через парашет в реку. От растерянности она закричала, человек оглянулся, увидел ее, бросил мешок на асфальт, сел в машину и уехал.

– Номер она запомнила? – спросил Розин.

– Несколько цифр. Сейчас вместе с ГАИ пытаемся пробить разные варианты комбинаций, – ответил Петров.

– А почему ты мне сказал, что дети убиты? – спросил Розин, очевидно, все более успокаиваясь.

– Так мне милиционеры сказали, – ответил Петров. – Я у них вот только что спрашивал, а они говорят, что прошла информация о пропаже вдовы начальника военторга с детьми, и когда они узнали, что вдова убита, то решили, что дети тоже убиты.

– А как они узнали, что убитая – это вдова начальника военторга? – спросил Розин.

– При ней документы. И фото. Точно она.

– М-да, – констатировал Розин и посмотрел на Криспа.

Крисп едва заметно пожал плечами.

– А дети где? – спросил Розин у Петрова.

– Неизвестно, – дал исчерпывающий ответ Петров.

– Пойдем отойдем, – предложил Розин Криспу, а Петрову приказал: – Давайте заканчивайте с милиционерами, скажите им, чтобы материалы вам до конца сегодняшнего дня предоставили. И если есть какие-то соображения, пусть не забудут поделиться. Запишите их фамилии, может, оперативное сопровождение с ними будем вести.

Крисп отметил про себя, что Розин перешел с подчиненным на «вы», что означало, что он полностью успокоился.

Оставив лейтенанта Петрова выполнять приказания, Розин и Крисп пошли по набережной в противоположную сторону от места происшествия.

– Что думаешь? – спросил Розин.

– Думаю, что пора мне включаться в дело. Так что жду указаний, – сказал Крисп.

Розин поглядел искоса на Криспа и сказал:

– Указания будут. Завтра приступай. Мне докладывать ежедневно. В случае поступления новостей – незамедлительно.

– Хорошо, – сказал Крисп и продолжил: – Скажи честно, ведь ты с самого начала знал, что это дело буду вести я?

Розин промолчал. Некоторое время они шли молча. За ними на небольшой скорости по другой стороне дороги двигалась черная служебная «Волга» Розина.

– Знал, – все-таки признался Розин. – Но не хочу, чтобы ты был «засвечен» как следователь этого дела. Так что формально дело останется за мной.

– Почему?

– Потому что тебе могут начать мешать.

– Не буду спрашивать кто, – сказал Крисп. – Но уверен, что ты меня в обиду не дашь.

– Мне бы твой оптимизм, – сказал Розин и задал вопрос, который, видимо, его мучил на данный момент больше всего: – Куда же делись дети?

– Раз вдова убита, значит их похитили, – сказал Крисп.

– Час от часу не легче, – сказал Розин. – Представляешь, что сейчас начнется? Телефонogramму надо на имя Главного военного прокурора давать. А тот, скорее всего, перед Генеральным будет ответ держать. В общем...

Розин от отчаяния, словно шашкой, сверху вниз махнул рукой. Водитель его служебной автомашины истолковал этот знак по-своему и подкатил к Розину, нарушив при этом правила, поскольку встал против движения, зато рядом с начальником.

Розин удивленно полуоглянулся, потом посмотрел на Криспа и спросил:

– Едешь?

– Пешком пройдуся, – ответил Крисп.

Розин взялся за ручку двери автомашины прямо за водителем, но не открыл ее. Он внимательно посмотрел на Криспа и сказал:

– Прогуляйся. Обдумай все.

Потом Розин неожиданно отошел от машины и, вплотную приблизившись к Криспу, спросил:

– Ты уверен, что начальник военторга покончил с собой?

5 июня. 9:00

Как только утром Крисп оказался на службе, его вызвал к себе его непосредственный начальник военный прокурор Московского гарнизона и, глядя ему в глаза, протянул постановление, подписанное Розиним, о том, что Крисп включен в следственную группу во главе с Розиним по делу о самоубийстве начальника военторга, и другие уголовные дела, которые он вел, прокурору поручено передать другим следователям.

Крисп попросил военного прокурора, чтобы всех вызванных на сегодня свидетелей по его делам допросили другие следователи, а сам зашел к себе в кабинет, положил постановление Розина в металлический шкаф, который почему-то назывался сейфом, запер его и вышел на улицу.

Ему надо было ехать либо к лейтенанту Петрову, либо в морг, либо к криминалистам Сергею и Андрею. Крисп поехал к криминалистам.

В военной прокуратуре, разумеется, был криминалистический отдел, но по наиболее сложным делам военные следователи и прокуроры предпочитали обращаться к милицейским коллегам-криминалистам.

Доехав на троллейбусе по Садовому кольцу до Петровки, Крисп вскоре добрался до дома 38, пройдя через проходную, вошел в здание ГУВД города Москвы и поднялся на пятый этаж. В кабинете, куда он вежливо постучался и открыл дверь (про себя Крисп в очередной раз подумал, зачем все стучатся, ведь все равно потом сразу открывают двери), оказался Андрей.

– Привет, – сказал Крисп.

– Привет, – в тон ему ответил Андрей. – Тебе все-таки дело поручили?

– Мне.

– Ну заходи-заходи. Чай будешь?

– Буду. А где Сергей?

– Меня недостаточно, – улыбаясь, сказал Андрей.

– Достаточно. Так, просто спросил.

– Пока будем с тобой чай пить, подойдет. В лаборатории возится. Как раз по делу твоего самоубийцы.

– Что-то там не так? – спросил Крисп и сел за небольшой стол.

– Вроде все так, – уклончиво ответил Андрей, наливая в чашку из заварного чайника едва ли не черного цвета накрепчайший чай. – Пистолет, помнишь, в стороне лежал?

– Помню. Ну и что? Сам знаешь, какие отдачи от оружия бывают. Тем более что человек себе в рот стрелял, – сказал Крисп.

Крисп на секунду задумался и сказал:

– Подожди, вы же мне сами про эту отдачу говорили. Забыл?

– Все верно, – сказал Андрей. – А что ты к нам пожаловал, раз тебе все понятно?

– Да вот начальник мой сомневается.

– Правильно сомневается, – раздался голос из распахнутой двери, и в кабинет вошел Сергей.

Он поправил очки левой рукой, указательный палец на которой был залеплен лейкопластырем, и спросил:

– В чем твое начальство сомневается?

– В том, что это было самоубийство.

– Ну да, – сказал Сергей. – Как-то все для самоубийцы слишком витиевато.

– Что у тебя с пальцем? – спросил Сергея Крисп.

– Да в лаборатории, блин, зацепился, поцарапал.

– Хорошо, что мы не в морге работаем, – усмехнулся Андрей.

– Бывает, – сказал Сергей.

– Садись к столу, – позвал Сергея Андрей. – Давай чайку на троих сообразим и переговорим.

Сергей не заставил себя дважды упрашивать, сел за стол, налил себе чай из заварного чайника, разбавил его кипятком из банки, в которой находился кипятильник, и взял из коробки сушку.

– Ну так что? – спросил Крисп.

– Ты ведь и сам знаешь, – ответил Сергей.

– Что я знаю? – спросил Крисп.

– Что это было не самоубийство, – сказал Сергей.

– Нет, – ответил Крисп. – По внешнему виду самоубийство.

– Ну конечно, – сказал Сергей. – Труп на полу, чуть не под шкафом, пистолет в стороне.

– Отдача, – еще раз сказал Крисп. – Помнится, вы сами об этом на месте происшествия говорили.

Андрей усмехнулся.

– Говорили. Допустимо, – согласился Сергей. – Но все равно для самоубийства странно-вато.

Крисп отхлебнул чая из чашки и сказал:

– Обычно все наоборот.

– Что наоборот? – не понял Сергей.

– Обычно следователи пытаются умозрительными заключениями убедить экспертов, что дело было так, а не иначе. Вы же меня убеждаете, что это не самоубийство, хотя доказательств нет никаких, насколько я понимаю. Со своей стороны, хочу вас уверить, что побывал на многих местах, когда люди вешались, стрелялись, резались и даже топились, и, следуя вашей логике рассуждений, во всех этих случаях дело было нечисто. Ну, скажем, может ли человек повеситься на батарее отопления? Любой здравомыслящий человек скажет, что это невозможно. Но ведь вешаются. И вы это знаете не хуже меня.

– Знаем, – подтвердил Андрей.

Сергей поправил очки и сказал:

– Все верно. У начальника военторга в этом смысле все сходится: и дело уголовное, и сам в депрессии – только кончать жизнь самоубийством остается. И, строго говоря, так было бы правильнее всего. Для следствия, во всяком случае.

– Понимаю, о чем ты, – сказал Крисп. – Дело о самоубийстве закрыто, соответственно, уголовное дело против начальника военторга тоже автоматически закрывается, так сказать, за отсутствием лица, которого можно было бы признать виновным. Действительно, все верно. Все сходится, и это тревожит моего начальника.

– Хотя одной головной болью было бы меньше, – сказал Андрей.

– Было бы меньше, – подтвердил Крисп. – Так что у вас? Вряд ли вы стали бы меня потчевать разглагольствованиями просто так.

– Правильно мыслишь, – сказал Сергей и констатировал, шутливо двумя руками указав на Криспа: – Следователь.

Сергей встал вместе с чашкой, одним глотком допил оставшийся в ней чай и сказал:

– Пошли в столовку перекусим.

Они втроем начали спускаться по маршевой лестнице, и Сергей на ходу говорил:

– Честно говоря, мы с Андреем не стали бы сильно копаться, но как-то начальство повело себя странно-вато.

– Как наш самоубийца? – спросил Крисп, отреагировав на слово «странно-вато».

– Вот именно, – сказал Сергей.

– В чем именно – «странно-вато»? – спросил Крисп.

– Очень сильно стало торопить, чтобы заключение экспертизы было готово как можно быстрее, – сказал Андрей. – Стало говорить, что нечего копаться, и так все ясно.

– Интересно, – сказал Крисп. – Начальство приняло решение заранее.

– Вот именно, – сказал Андрей.

Они зашли в столовую, взяли подносы, поставили на них блюда, не отличавшиеся разнообразием (зато быстро), оплатили на кассе свои нехитрые обеды, которые назывались комплексными, то есть одинаковыми, и сели втроем за один стол.

– Приятного аппетита, – сказал проходивший мимо них человек в костюме.

– И тебе, Петр Гаврилович, – ответил ему Сергей, поправив очки.

– Кто это? – спросил Крисп.

– Прикомандированный, – ответил Сергей.

Крисп вспомнил этого человека. Это был тот самый офицер с петлицами войск общекорпусного назначения, которого он встретил возле двери квартиры начальника военторга, когда приехал осматривать место происшествия. Прикомандированными называли особистов, то есть офицеров КГБ из особых отделов, которые присутствовали в каждом ведомстве. Формально они как бы подчинялись руководству ведомства, к которому были прикомандированы, но фактически, разумеется, отчитывались только перед своим руководством. Их задача – отслеживать настроение сотрудников в соответствующем ведомстве и анализировать поступающие сигналы о возможных злоупотреблениях (на самом деле они отслеживали сигналы обо всем подряд, включая супружеские измены и частые походы сотрудников в рестораны).

Про себя Крисп отметил интересную деталь, что в момент осмотра места происшествия Петр Гаврилович был одет в военную форму, хотя прикомандирован был к МВД.

Андрей и Сергей стали с аппетитом поглощать еду. Крисп присоединился к ним.

– Он не интересовался делом? – спросил Крисп.

– Петр Гаврилович? – на всякий случай уточнил Андрей и ответил: – Нет.

– Но начальство сильно интересовалось, – сказал Сергей. – Интересовалось, чтобы все побыстрее закончить.

– Понимаешь, – сказал Андрей. – Дело-то ведь не наше, не ментовское, и, строго между нами, нам до него вообще никакого дела нет.

– Хороший каламбур, – сказал Крисп.

– Скажем больше, – продолжил Сергей. – Мы заключение подготовили и уже отдали начальству. То заключение, которое они хотели и которое всех устраивает.

– То есть? – спросил Крисп.

– То есть заключение, что начальник военторга покончил жизнь самоубийством, – сказал Андрей.

Крисп продолжал есть. Сказанное его не сильно удивило. Действительно, ребятам поставлена задача, они свое отработали, заключение сделали. Формально все правильно. Он сам склонялся к версии самоубийства. Но ребята чего-то недоговаривали, и Крисп ждал. Дело дошло до компота из сухофруктов.

Все молчали. Наконец, Сергей сказал:

– Заключение мы отдали, и там ничего нет, что противоречит версии самоубийства. Но все, о чем мы говорили, и труп почти под шкафом, не знаю, как у тебя в твоей практике, а в нашей – нечасто человек стреляется на полу, и пистолет отлетел черте куда, пусть даже это можно списать на отдачу после выстрела... Короче, все это навело нас на мысль все еще раз проверить, так сказать, для себя...

Сергей и Андрей смотрели на Криспа.

– И? – поторопил собеседников Крисп.

– Мы с Сергеем очень тщательно все осматривали, как ты помнишь, – сказал Андрей.

– И что нашли? – нетерпеливо спросил Крисп.

– Важно не то, что мы нашли, а то, что мы не нашли, – сказал Андрей и продолжил: – Мы не нашли ни единого отпечатка пальцев. Не удивительно ли? Самоубийца позаботился о том, чтобы стереть все свои следы?

Крисп молчал. Потом спросил:

– А гильза?

– В том смысле, от этого пистолета она или нет? – уточнил Андрей. – Не знаем. Мы эту экспертизу не делали.

– Почему? – удивился Крисп.

– Потому что, возвращаемся к началу нашего разговора, дело о самоубийстве начальника военторга – ясное, – сказал Андрей.

– Вам запретили делать такую экспертизу? – спросил Крисп.

– Нам ее не назначали, – сказал Сергей. – И это тоже нас, так сказать, слегка удивило. Андрей взял поднос, встал из-за стола и сказал:

– Пойдем, мы тебя проводим до проходной.

Поставив подносы с тарелками на транспортерную ленту, которая увозила подносы с грязной посудой в мойку, втроем они вышли на улицу.

– Все материалы мы тебе, как положено, передадим, – сказал Андрей. – Понимаешь, мы не хотим мешаться под ногами, а еще больше не хотим ни с кем воевать, тем более с начальством. Дело-то дурно пахнет, так что будь повнимательнее.

– Спасибо, – сказал Крисп и пожал Андрею и Сергею руки.

Крисп махнул ребятам на прощание рукой и повернулся, чтобы выйти через проходную, но услышал, как Сергей сказал:

– Кстати, ваши начальники тоже настаивали, чтобы экспертиза о самоубийстве была сделана как можно скорее. И тоже говорили, что факт самоубийства очевиден.

Крисп уловил, как Сергей сделал акцент на словосочетании «тоже настаивали».

– Да? – вроде как удивился Крисп. – И кто же?

– Какой-то Разин, – сказал Сергей.

5 июня. 14:00

Крисп поехал в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Судебные медики были люди своеобразные, немного капризные, как и все эксперты, зато с юмором (правда, черным, как и у прокуроров, только больше связанным со смертью) и не обидчивые. Давнишний знакомый Криспа эксперт Юра Иванов любил говаривать, что патологоанатомы самые лучшие в мире диагносты, беда только в том, что их самый точный диагноз не воскресит покойника. Впрочем, как опять-таки говаривал Юра Иванов, их точный диагноз может помочь другому больному. Зная, что к судебным медикам как снег на голову сваливаться не стоит, Крисп позвонил из телефона-автомата Юре Иванову, который тоже работал в бюро, и попросил его договориться о встрече с патологоанатомом, который будет производить вскрытие трупа начальника военторга. Тот сказал, что вскрытие делает Виктор Соломонович Шульц, достойный человек пенсионного возраста, который делал вскрытие известного московского грабителя начала 1920-х годов Якова Кошелькова, и тут же признался, что пошутил. Его шутка означала, что Виктор Соломонович Шульц работает судебно-медицинским экспертом очень и очень давно. В любом случае Юра Иванов обещал протекцию, и Крисп двинулся в путь.

От улицы Петровки до Лефортовского морга было относительно недалеко. В Лефортовский морг привозили в основном трупы, которые либо были не опознаны, либо имели следы криминального происхождения. Строго говоря, в этом смысле труп начальника военторга не должен был находиться здесь, но, по-видимому, кто-то перестраховался и, что называется, на всякий случай распорядился доставить труп сюда.

«Не Розин ли», – подумал Крисп и тут же немного поежился. Информация о том, что Розин (не Разин, конечно, как сказал Сергей) торопил с закрытием дела о самоубийстве начальника военторга, его, мягко говоря, удивила. Тем более что сам же Розин несколько раз намекал ему, что не очень верит в самоубийство. Впрочем, сейчас Крисп решил на этом моменте не заикливаться. Его интересовали результаты вскрытия трупа начальника военторга.

Позвонив в закрытую дверь морга, Крисп услышал гулкие шаги и вскоре увидел слегка прищуренное на яркое солнце лицо Юры Иванова.

– Здорово, – сказал тот.

– И тебе не хворать, – ответил Крисп. – Как дела?

– Как говорится, значительно лучше, чем у тех, кто здесь находится на секционных столах, – в своем стиле пошутил Юра Иванов и предложил: – Пойдем. Шульц тебя ждет. Кстати, там твой начальник военторга еще на столе. Так что сам рассмотришь во всех подробностях.

– Спасибо, – сказал Крисп, хотя предстоящее зрелище его не сильно обрадовало.

Они зашли в большую светлую комнату, с большими окнами, сквозь которые все помещение освещал яркий дневной свет, пропитанный запахом формалина и человеческих мертвых тел. В комнате было несколько металлических секционных столов, на которых лежали мертвые люди. Их было три, столов – пять. Над двумя из трех трупов была проведена аутопсия. Один из них принадлежал мужчине, другой – женщине. Возле стола с трупом мужчины находился человек в белом халате, в перчатках и медицинской маске на лице. Крисп понял, что это Шульц.

– Здравствуйте, – первым приветствовал вошедших Криспа и Иванова Шульц.

– И вам не хво... – начал Крисп и тут же себя оборвал. – Здравствуйте, Виктор Соломонович.

Шульц поднял на Криспа глаза из-под очков, которые буквально висели у него на кончике носа, и с иронией спросил:

– Надеюсь, про мои дела, которые лучше, чем у тех, которые здесь на столах лежат, вы спрашивать не будете?

– Уверен, что ваши дела значительно лучше, – сказал Крисп.

– Несомненно, – сказал Шульц и выразительно поглядел на Юру Иванова.

– Да, я пошел, – заторопился тот и исчез из секционной комнаты.

– Итак, – сказал Шульц. – Вас что-то конкретно по трупу начальника военторга интересует? Или в целом дать информацию?

– В целом, – сказал Крисп.

– Хорошо. Подходите, – пригласил Шульц Криспа приблизиться к столу. – Как я понял из слов нашего с вами друга Юры Иванова, вы проводили осмотр места происшествия, так что труп видели и осматривали.

– Да, – подтвердил Крисп. – Хотя, конечно, безо всех этих анатомических подробностей.

– Это понятно, – сказал Шульц. – Как раз на анатомических подробностях я останавливаться не буду. Вряд ли для дела это важно. Поговорим о более земных вещах. Вот смотрите, что мы имеем. Покойный, несомненно, был здоров. Незадолго перед смертью хорошо покушал и выпил. Причем выпил вина, и, исходя из того, что я вижу, покушал он хорошей и даже изысканной пищи.

– То есть кушал не дома, а в ресторане? – предположил Крисп.

– Ну вы же знаете, выводы делать – это прерогатива следователя, – слегка усмехаясь, проговорил Шульц.

– Да, – согласился Крисп, хотя совсем недавно он был в диаметрально противоположной ситуации, когда как раз эксперты пытались делать выводы.

– Что касается причины смерти, то она очевидна – он умер в результате пулевого ранения головы, путем произведения выстрела в ротовую полость. И отвечаю на ваш пока не заданный вопрос – синяков и других видимых повреждений я на теле не наблюдаю.

– Зубы? – спросил Крисп.

– Понимаю, – ответил Шульц. – Нет, не выбиты, если вы о том, что ему насильственно вставили дуло пистолета в рот. Все на месте. Причем в очень хорошем состоянии. Резцы так вообще как у зверя, острые прямо как лезвие бритвы. Вообще, должен вам сказать, что покойный держал себя в хорошей физической форме. Скажу вам больше. Если гипотетически предположить, о чем вы если и не думаете, то как следователь думать должны, что не он сам, возможно, покончил с собой, то, учитывая его мускулатуру, сделать это было бы довольно непросто. Он должен был бы очень активно сопротивляться.

– А если был пьян? – спросил Крисп.

– Это могло упростить дело, – сказал Шульц. – Но в его крови всего половина промилле алкоголя. А это для его комплекции совсем немного.

«Формула Видмарка», – машинально про себя отметил Крисп, вспомнив курсы повышения квалификации, на которых профессор из Научно-исследовательского института прокуратуры СССР рассказывал о шведском ученом, который в 1920-х годах провел исследования о концентрации алкоголя в крови человека и опубликовал на эту тему статью «Теоретические основы и практическое использование судебно-медицинского определения алкоголя».

– На каждого алкоголь действует по-разному, – сказал Крисп.

– Верно, – согласился Шульц. – Но тут уж, как говорится, ваше дело все выяснять. Еще раз повторю то, что вижу я: этот человек при жизни был совершенно здоров, и следов постороннего насилия на его теле я не нахожу.

Закончив свою тираду, Шульц в упор посмотрел поверх очков на Криспа, оглянулся на стол, на котором лежал труп женщины, и сказал:

– В отличие от его жены.

Крисп также посмотрел на труп женщины на соседнем столе.

– Это его жена? – не смог сдержать удивления Крисп.

– Конечно, – сказал Шульц. – Ее труп привезли вчера вечером.

Они вместе переместились к другому столу.

– Вот смотрите, что мы имеем. Лицо сильно повреждено. Стреляли в упор, и похоже, что из ружья. На конечностях синяки.

– Били? – спросил Крисп.

– Я же не следователь. Но, скорее всего, сильно держали за руки. Женская кожа в отличие от мужской более восприимчива к таким нагрузкам. На ногах на лодыжках тоже синяки.

– Ноги были связаны, – предположил Крисп.

– Решайте сами, – сказал Шульц. – Думаю, точно узнаете, когда найдете того, кто ее убил.

– А не могла она себя сама? – спросил на всякий случай Крисп.

– Из ружья? Такие повреждения? – усмехнулся Шульц. – Не представляю, как она могла бы это сделать. Впрочем, других повреждений на теле нет. Но есть другое. Эта женщина имела онкологическое заболевание. И зубы у нее в отличие от мужа не ахти. Я бы даже сказал, что такое впечатление, что она и ее муж лечились у разных дантистов.

5 июня. 15:00

Крисп сидел в маленьком кабинете у Юры Иванова и пил растворимый кофе. Кофе был дефицитным напитком, но к врачам во все времена было особенное отношение, а патологоанатомы как самые точные диагносты, естественно, пользовались особым расположением со стороны своих коллег. Крисп один раз сам был свидетелем, когда присутствовал на вскрытии одной из жертв, дело об убийце которой он вел, как в секционную комнату прибежал врач и чуть ли не с дрожью в голосе просил уточнить диагноз его умершего пациента. По некоторым коротким репликам, которыми патологоанатом и врач обменялись, Крисп понял, что лечили больного не от того, чем он в действительности был болен. Поэтому нередко патологоанатомам перепали от щедрот те подарки, которые несли пациенты своим лечащим врачам.

Они поговорили о жизни, Крисп спросил, как дела у Юры с его очередной новой пассией, кажется, на этот раз ее звали Оля, впрочем, Крисп не был уверен и поэтому, чтобы не разочаровывать товарища, говорил о его возлюбленной, избегая называть ее по имени. Визуально-то он ее хорошо запомнил: маленького роста, кукольного телосложения, с кудрявыми черными волосами, маленьким ротиком и большими черными глазами. Крисп почему-то думал, что

новая подруга надолго у Юры Иванова не задержится, но они были вместе уже три месяца, что для Юры был если не абсолютный, то промежуточный рекорд точно.

В свою очередь Юра Иванов в очередной раз попенял Криспу, что тот до сих пор один, до сих пор мается по своей возлюбленной Юлии, которая так и не смогла выбрать между Криспом и его приятелем, в результате два года разрывалась между ними обоими, делая их отношения похожими на пресловутую шведскую семью (хорошо хоть жили они все в разных местах), от чего, похоже, больше всех страдал как раз Крисп, в чем он никогда и никому не признавался (даже себе), а потом вышла замуж за какого-то относительно мелкого служащего из МИД, предпочтя ему двух друзей, которым она морочила голову. Мелкий-то он мелкий, но за границу Юля вместе с ним уехала и жила сейчас за пределами Советского Союза, получая зарплату в конвертируемой валюте.

– Ты – эгоист, – сделал заключение Юра Иванов.

– Наверное, – согласился Крисп просто потому, что ему сейчас не хотелось вступать ни в какие споры.

– Конечно, живешь только для себя. Один в квартире. Шикуюшь по нынешним меркам.

– Наверное, – сказал Крисп и добавил: – Вот в партию собрался вступать. Не знаешь, эгоистов туда берут?

– Да ладно, – отставив чашку с кофе от себя, удивился Юра. – Чего вдруг?

– С отцом советовался, – серьезно сказал Крисп. – Если оставаться в военной прокуратуре, в партию вступать надо.

– Для карьерного роста?

– В том числе.

– А еще зачем?

– Не знаю, – честно признался Крисп. – Но куда-то двигаться мы должны. Или наши идеи о коммунизме миф?

– Ну ты даешь, – сказал Юра Иванов. – Даже не знаю, что тебе ответить. По мне так главное, чтобы человек достойно жил. А все остальное... Миф не миф.

Оба замолчали, понимая, что дальнейшие рассуждения ни к чему не приведут. Наконец, Крисп попросил Юру Иванова передать ему через стол телефон и набрал номер специальной военной прокуратуры. У дежурного он спросил, на месте ли лейтенант Петров, и, получив утвердительный ответ, попросил передать ему, что он к нему едет и просит его дожждаться. Дежурный хотел было позвать к телефону лейтенанта Петрова, но Крисп дал отбой и поднялся из-за стола.

– Как говорится, спасибо тебе за все и за кофе отдельно, – сказал Крисп.

– Будь здоров, – сказал Юра Иванов.

– И тебе не хворать.

Они пожали друг другу руки, и Юра Иванов сказал:

– Про партию и твои взгляды на это дело ты мне потом расскажешь поподробнее.

– Постараюсь, – сказал Крисп и признался: – Если сам разберусь.

Специальная военная прокуратура (спецпрокуратура) находилась на территории военной части и, несмотря на то что у Криспа с его удостоверением был формально свободный доступ на любой военный объект (кроме секретных, разумеется), здесь на КПП его остановили и стали связываться с командиром на предмет возможности его прохода. Получив необходимое разрешение, Крисп сразу двинулся в сторону двухэтажного здания, где, как ему сказали, находилась спецпрокуратура. Навстречу ему уже выскочил лейтенант Петров. Он был все такой же взъерошенный и суетной, как и вчера. И если вчера Крисп принял его поведение за реакцию на нестандартную ситуацию, то теперь он убедился, что это просто особенности самого Петрова. Он просто такой суетной.

– Товарищ капитан, – обратился к нему Петров, только что не отдавая честь, и то потому, что был без фуражки. – Вас ищет подполковник Розин. Он мне уже несколько раз звонил.

– Хорошо, – ответил Крисп, продолжая двигаться в сторону здания.

Как только они поднялись в кабинет лейтенанта Петрова, Крисп схватился за телефон.

Спецпрокуратуры находились на особом счету. В отличие от других прокуратур, в том числе военных, у них имелись в наличии свободные помещения, и следователи обладали такой роскошью, как отдельный кабинет. Поэтому Криспу не пришлось никого просить выйти из кабинета, что он всегда делал с некоторым напряжением для себя, когда звонил Розину. Но в данном случае лейтенант Петров был в курсе происходящих событий. Впрочем, в присутствии Петрова Крисп был очень лаконичен.

Криспу пришлось несколько раз извиниться перед Розиным за то, что он задержался с докладом. Затем он вкратце рассказал о своих перемещениях по экспертам и доложил о синяках на теле покойной жены (вдовы) начальника военторга. Понимая, что у Розина больше информации, чем у лейтенанта Петрова, Крисп спросил его, не найдены ли дети начальника военторга. Получив отрицательный ответ и приказ позвонить после того, как Крисп получит всю информацию от лейтенанта Петрова, он положил трубку.

– Что там по вчерашнему убийству вдовы начальника военторга? Есть новости? – спросил Крисп.

– Все материалы у меня, готов их вам передать, – отрапортовал лейтенант Петров.

Крисп кивнул и спросил:

– Что на словах? Машину не нашли? Про детей я уже понял.

– Ищем. Номера поддельные, это установили. Девушка, которая видела водителя, дает крайне противоречивые описания. Фоторобот составить не удалось. Такое впечатление, что она видела одновременно двух разных людей. То скажет, что у него были очки, то говорит, что не было. То говорит, что он был с усами, то без усов.

– Может, его еще кто-то видел?

– Пока не установили.

– Понятно, – сказал Крисп. – Черных «Волг» не так много. Машину, думаю, найдем.

Крисп задумался. Лейтенант Петров нервно трогал пальцами папку с материалами вчерашнего убийства. Крисп посмотрел на его лицо, на нос, который был слегка с горбинкой, на густые не по возрасту брови. Несмотря на фамилию Петров, в лейтенанте очевидно было присутствие кавказских кровей, хотя он не был похож ни на азербайджанца, ни на грузина, ни на представителей одного из многочисленных народов Северного Кавказа. И говорил он безо всякого акцента.

«Москвич», – решил Крисп и обратился к Петрову:

– Скажите, черные «Волги» – это только ведомственные машины.

– Да, – ответил лейтенант Петров.

– А как вы вчера так быстро оказались на месте происшествия?

– У меня был приказ товарища подполковника Розина отслеживать все происшествия по городу и, как только будет фигурировать женщина или женщина и дети, немедленно ему докладывать, – ответил лейтенант Петров.

– И вчера вы доложили?

– Так точно. Как только прошла информация от дежурного по городу, что убиты женщина и дети, я сразу позвонил товарищу подполковнику.

– Откуда вы знали, где он? – спросил Крисп.

– Товарищ подполковник, после того как отдал мне приказ об отслеживании информации, всегда мне сообщает, куда он едет, – сказал лейтенант Петров.

– Понятно, – сказал Крисп. – Почему все-таки первоначальная информация была про детей?

Лейтенант Петров слегка поерзал на стуле.

– Честно говоря, я напутал. Как услышал про убитую женщину, решил, что и дети тоже убиты.

– Понятно, – вновь сказал Крисп и поднялся со стула.

Лейтенант Петров тоже поднялся. Крисп посмотрел на него и сказал:

– Поскольку подполковник Розин приказал мне вести дело о самоубийстве начальника военторга, я объединяю дело об убийстве вдовы начальника военторга и о самоубийстве в одно. Вас объявляю членом следственной группы по объединенному делу. Материалы дела забираю. Все документы пришлю позже. Подполковнику Розину доложу лично.

Крисп забрал папку со стола лейтенанта Петрова и положил ее к себе в портфель.

– Теперь о следственных поручениях, – продолжил Крисп. – Первое, проверьте все черные «Волги», зарегистрированные на индивидуальных лиц. Как получите результат, сразу поезжайте для допроса к тем или к тому, у кого такую «Волгу» угнали.

– Угнали? – переспросил лейтенант Петров.

– Угнали, – подтвердил Крисп. – Второе, проведите полный обход всех ближайших к набережной домов, где вчера было найдено тело убитой...

– Вчера был сделан полный обход, – перебил Криспа лейтенант Петров.

Крисп слегка поморщился:

– Не сомневаюсь. Искали не то, что надо. Повторяю, проведите полный обход всех квартир. Спрашивайте в первую очередь детей, с соблюдением всех формальных процедур, естественно, в присутствии родителей, кто из них вчера нашел игрушку в виде накладных очков и носа с усами. Знаете, такая маскарадная маска продается?

– Знаю, – оторопел лейтенант Петров.

– Хорошо, – сказал Крисп. – Главное, установите, где нашли такую маску, и проведите там тщательный осмотр.

5 июня. 19:00

Крисп добрался до своего кабинета под вечер. Он просмотрел документы, собранные на месте происшествия и переданные ему лейтенантом Петровым, фото трупа жены (вдовы) начальника военторга, убедился, что это был труп той же самой женщины, тело которой он видел в морге, подумал о том, как провести в ближайшее время ее опознание, убрал все документы в металлический шкаф (сейф) и пошел домой.

По пути он зашел в будку телефона-автомата, с трудом нашел две копейки, одновременно отметив про себя, что надо завтра где-то наметать мелочь, и набрал служебный номер Розина.

Розин снял трубку, и Крисп сказал:

– Через сколько можем встретиться?

– Через час, – ответил Розин, не став задавать никаких уточняющих вопросов.

Они давным-давно договорились, что если ситуация либо по каким-то делам, либо у кого-то из них лично станет складываться критически, то они встречаются на набережной в Лужниках. Увы, работа следователя сопряжена с рисками утечки информации. Любое, даже самое простое дело определяется тем, кто его ведет. Следователь является уникальным и единственным источником информации, поскольку в строго формализованных материалах уголовного дела невозможно отразить все нюансы тех жизненных ситуаций, при которых осуществляется их сбор. Не зря в Уголовно-процессуальном кодексе говорится, что следователь оценивает все доказательства в соответствии со своим внутренним убеждением (статья 71 УПК РСФСР). Крисп, как и абсолютное большинство следователей, считал, что УПК излишне формализован. Но с течением времени он осознал, что все формальные процедуры в конечном счете направлены не во вред следователю, а для его пользы. Чтобы он каждый раз, прежде чем что-то

предпринимать, не ленился и обдумывал каждый свой шаг (и даже полшага). Конечно, между следователями не было недоверия, хотя злоупотребления случались даже в военной прокуратуре, но очень редко. На памяти Криспа было всего два случая, когда следователи военной прокуратуры попались на взятках, причем в обоих случаях это были молодые ребята, которых по их неопытности подставили как раз опытные дознаватели, выступившие посредниками при передаче денег за то, чтобы те в одном случае опорочили доказательства, а в другом – тупо прекратили уголовное дело за мордобой между солдатами, который в Уголовном кодексе назывался благородным словом «неуставные взаимоотношения». Но в свое время Розин, будучи наставником Криспа, когда тот пришел в военную прокуратуру лейтенантом, научил его, что неосторожно оброненное им слово о деле может это самое дело пресечь на корню. Поэтому Крисп привык ни с кем дела, которые он вел, не обсуждать. Во всяком случае, как минимум до тех пор, пока дело вместе с обвинительным заключением не ляжет на стол прокурора, который принимал окончательное решение о направлении (или не направлении) его в суд.

«Люdiam надо верить, – постоянно повторял Розин. – Поэтому, чтобы никого не обижать, просто не рассказывай ничего, что ты накопаешь по делу».

Дело о самоубийстве начальника военторга и убийстве его жены-вдовы (мысленно Крисп никак не мог определиться с вариантами по поводу убитой жены начальника военторга – очень уж скоро она ушла в мир иной вслед за мужем), как все вокруг говорили и как сам Крисп считал, было тем самым делом, информация о котором стоила очень дорого. Крисп знал и был особенно уверен в том, что те, кто станут требовать от него подробную информацию по делу, косвенно, а может быть, даже невольно станут замешаны в этой истории, которая грозила всем ее участникам непредсказуемыми последствиями. Тем более что сейчас Крисп совершенно не понимал, что происходит.

Крисп смотрел на реку Москву и наслаждался теплым летним московским вечером. Солнце клонилось к закату, Крисп подставил лицо свежему, пропитанному речной влагой ветру.

– Привет, – поздоровался с ним Розин, который подошел справа. Впрочем, о том, что Розин, что называется, на подходе, Крисп знал заранее по приближавшемуся вместе с ним зловонному дыму сигарет.

– Привет, – еще раз поздоровался Розин, поскольку на первое приветствие Крисп не отреагировал.

Крисп повернулся спиной к каменному парапету набережной и внимательно посмотрел на Розина.

– Привет, – поздоровался Крисп.

– Какие новости? – спросил Розин.

– Новости будут, – ответил Крисп. – Надеюсь, скоро.

Крисп вновь повернулся лицом к реке. Розин встал рядом с ним.

– Ну, давай, – сказал Розин. – Давай свои во-первых, во-вторых, в-третьих.

– Попробую, – сказал Крисп. – Не знаю, правда, наберется ли на в-четвертых, в-пятых.

– Выкладывай.

– Во-первых, самоубийство начальника военторга ставится под большой вопрос. Но и данных о том, что это было убийство, тоже нет никаких, – начал Крисп. – Во-вторых, я объединил дело о самоубийстве с делом об убийстве жены, в смысле, вдовы начальника военторга.

– Знаю, – сказал Розин.

Крисп понимающе кивнул головой. Лейтенант Петров, видимо, сразу после ухода Криспа доложил обо всех подробностях их разговора «товарищу подполковнику».

– В-третьих, – продолжил Крисп, – владельца черной «Волги» мы скоро найдем, но он к этим делам не имеет никакого отношения.

– Уверен? – спросил Розин.

– Практически на сто процентов, – ответил Крисп. – В-четвертых, человек, который пытался избавиться от тела вдовы начальника военторга, дилетант и, скорее всего, не убийца.

– Но не владелец черный «Волги»?

– Вряд ли. Я думаю, он в этом деле на десятых ролях. Наверное, просто водитель. И сейчас очень жалеет, что впутался в эту историю. Впрочем, скорее всего, его впутали. Кто, как и почему – пока не знаю.

Крисп замолчал. Розин после минутной паузы сказал:

– Действительно, до пяти недотянул. Что за маску ты ищешь?

– Новогодняя, продается в магазинах культтоваров. Такая с очками, под грузина.

– Знаю. А при чем здесь она?

– Этот парень на черной «Волге» вчера очень нервничал. Боялся засветиться. И поэтому, когда тащил тело в мешке, чтобы сбросить его в воду, надел для камуфляжа маску. Кстати, тело было связано, а к ногам были привязаны гири, так что если бы ему удалось мешок в речку перекинуть, то тело искали бы очень долго. Но, когда этот водитель черной «Волги» услышал крики, он испугался. Маска с него упала, а девушка из-за паники ничего не поняла – то человек был с усами, то в один момент стал без усов.

– Но маску на месте происшествия не нашли, – констатировал Розин.

– Конечно. Потому что ее кто-то до приезда милиции подобрал. Значит, были еще свидетели, кроме известной нам девушки.

– Хорошо, – согласился Розин. – Будем надеяться, что Петров найдет этих свидетелей, хотя вчерашний обход ничего не дал.

– Потому что это ребенок, и он боится, что его накажут за то, что он подобрал маску. И боится, что маску отберут.

– Ну это как раз правильно. Найдем и отберем. Это же вещдок.

– Конечно, – согласился теперь Крисп. – И хотя наш маленький свидетель таких слов, скорее всего, не знает, но понимает, что обязательно его трофей отберут. А маску жалко.

– Как про маску догадался? – спросил Розин после очередной минутной паузы.

Крисп пожал плечами:

– Лицо твоего лейтенанта Петрова навело на эту мысль. Ему для этой маски не хватает только усов и очков, нос на маске как будто с него лепили. Кто он по национальности?

– Русский, – ответил Розин. – А кто там и когда у него в роду был, не знаю.

– Мой отец в свое время очень любил с этой маской гостей разыгрывать в доме. Должен тебе сказать, что когда он надевал шапку, то не все сразу соображали, что нос и очки накладные, – сказал Крисп.

– Знаешь, что я думаю? – после паузы продолжил Крисп.

Розин насторожился и вопросительно на него посмотрел.

– Самоубийство начальника военторга никак не связано с делом о хищениях, – сказал Крисп и замолчал.

Розин тоже молчал.

– И ты это знаешь, – сказал Крисп, видя, что Розин не собирается реагировать на его реплику. – Знаешь, что еще я думаю?

– Что? – спросил на этот раз Розин.

Крисп внимательно на него посмотрел, облокотился локтями на парапет и сказал:

– Сейчас страна на изломе, пересматриваются устои общества, кооперация и все такое. Обогащайтесь – как говорил товарищ Бухарин на заре НЭПа. И похоже, что эта история очень сильно с этими процессами связана. А из этого вытекают следующие обстоятельства.

– Какие? – нервно спросил Розин.

– Действует самая настоящая организованная группа, – сказал Крисп. – Не думаю, что мы найдем этого горе-водителя с накладными очками и усами живым. И «Волгу» черную тоже вряд ли найдем.

– О чем ты? – спросил Розин.

– О том, что этого деятеля уже нет в живых. А машину утопили.

Розин очень странно посмотрел на Криспа и слегка охрипшим голосом произнес:

– У нас с бандитизмом покончили в конце 1940-х годов.

Крисп посмотрел в упор на Розина и сказал:

– А это не бандиты. Это гораздо хуже. Это те, кто придет на смену нашим доморощенным преступникам эпохи развитого социализма.

Они посмотрели друг на друга. Наконец, Крисп сказал:

– А теперь, может быть, ты мне расскажешь, что происходит?

Розин тяжело вздохнул:

– Если бы я знал.

Розин оторвался от парапета и пошел вдоль по набережной в сторону метро «Спортивная». Крисп последовал за ним.

– Я сегодня весь день как на ошпаренных камнях в бане провел. Кто только не звонил. И Главный военный прокурор в том числе. Это самоубийство, убийство вдовы, дети пропали.

Розин с досадой махнул рукой. Крисп услышал, как где-то недалеко завелся мотор автомашины. Водитель служебной машины Розина вновь воспринял взмах рукой как требование начальника подъезжать к нему.

– Ты прав в одном, – сказал Розин, – самоубийство начальника военторга никакого отношения к уголовному делу о хищениях в системе военной торговли не имеет. Больше того, накануне ему сообщили, я это точно знаю, что дело в отношении него прекращено.

Рядом с ними остановилась служебная черная «Волга». Розин обошел автомобиль, открыл дверцу рядом с водителем, потом передумал, закрыл ее, залез в машину на заднее сиденье, после чего машина отправилась в путь.

Крисп смотрел вдаль уезжавшей служебной автомашине Розина и думал о том, что, наверное, впервые они с Розиным не поговорили по душам. Ни он Розину практически ничего не сказал, хотя рассказать было что, ни Розин ему ничего не сказал. Но одно Крисп знал наверняка, ему была известна фамилия человека, который накануне самоубийства звонил начальнику военторга и сообщил тому радостную весть, что уголовное дело в отношении него прекращено за отсутствием состава преступления. И с этим человеком он только что расстался.

«Что же ты темнишь? – думал о Розине Крисп. Что ты такое знаешь, чего не хочешь мне сказать? Или не можешь?»

Еще Крисп думал о том, что теперь ему делать. Он в одиночестве, ему не на кого опереться, любое его действие тут же будет известно Розину, а может, еще кому-то. Вопрос только, кому и какова роль Розина во всем этом? Что в этой ситуации делать ему?

– Когда не знаешь, как поступать, – вслух произнес Крисп, поправляя фуражку с красным ободком, – поступай так, как учил когда-то капитан Розин, – поступай по закону.

6 июня

Ночь Крисп провел в раздумьях. Он уснул, только когда на улице стало светать, и проснулся всего через несколько часов от яростного треньканья будильника. Как ни странно, чувствовал он себя весьма бодро. Сделав обязательную зарядку, Крисп заварил себе наикрепчайшего чая, быстро оделся и отправился в военную прокуратуру.

Добравшись до прокуратуры, он не пошел к себе в кабинет. Остановившись перед дверью военного прокурора, Крисп задумался, еще раз взвесил все за и против, постучался и толкнул дверь.

– Разрешите, товарищ полковник?

13 июня

– Хорошо, что сегодня не пятница, – сказал лейтенант Петров.

Он сидел в кабинете Криспа и с наслаждением потягивал ароматный индийский чай.

– Ну да, – согласился Крисп, – а то пятница, тринадцатое, и все такое.

– Знаешь, – после некоторой паузы продолжил Крисп, – я в школе был очень суеверным. У меня был приятель, так мы с ним пару шагов не могли ступить, чтобы не выполнить какой-то обязательный суеверный ритуал. Потом мы с ним расстались, я переехал в другой район Москвы, а это суеверие за мной как хвост увязалось. Доходило до смешного, часто я возвращался, пройдя какой-то путь, потому что прошел его не так, а эдак. Ну и в университете эта свистопляска продолжилась. Брал билет на экзамене исключительно левой рукой и так далее. В общем, долго я с этим боролся. Кстати, учился я неплохо. И не потому, что брал билеты левой рукой. Просто потому, что учился и мне это нравилось. Знаешь, как я от всего этого суеверия избавился?

Лейтенант Петров отхлебнул чай и вопросительно кивнул головой. Крисп встал из-за стола и подошел к окну.

– Средине июня, – сказал Крисп. – Когда я пришел в военную прокуратуру, Розину было тридцать лет. Для меня он был стариком. Мудрым, опытным стариком. Я пришел в сентябре, и он мне сказал, что скоро наступит Новый год. Заметив, как я удивился, он мне тогда сказал, что это в двадцать лет четыре месяца много. А в тридцать – это очень мало и дальше становится еще меньше.

Лейтенант Петров молчал. К философствованиям Криспа он был не готов. Крисп это понял и сказал:

– Избавился от суеверия я очень просто. Я решил для себя, что верить в суеверия – это тоже суеверие. Поэтому я заменил суеверие на неверие в суеверие, что на самом деле – одно и то же. Только в случае неверия в суеверия мне не надо соблюдать мною же придуманные ритуалы.

Лейтенант Петров заулыбался.

– Здорово, – оценил лейтенант Петров.

– Ладно, – сказал Крисп и сел за стол напротив лейтенанта Петрова. – Давай подводить промежуточные итоги. Итак, что мы имеем?

Лейтенант Петров начал докладывать, Крисп слушал его вполуха. Основные результаты проведенной работы за последние восемь дней он знал. Он намеренно попросил лейтенанта Петрова еще раз рассказать о проделанной работе, чтобы как бы со стороны посмотреть, не забыли ли они чего-нибудь. Пока лейтенант Петров докладывал, Крисп вновь вспомнил, как он зашел к военному прокурору и рассказал обо всех своих сомнениях по делу о самоубийстве начальника военторга.

Военный прокурор Московского гарнизона был человеком опытным. Он помотался по дальним военным гарнизонам, честно заслужил свою должность, которая, очевидно, была для него завершающей в его карьере перед предстоящим увольнением и уходом на пенсию. Крисп знал, что военный прокурор имел связи, поддержку в партийной верхушке, не ахти какую, но все же. Знал также, что военный прокурор интриговал (в противном случае вряд ли бы он стал военным прокурором Московского гарнизона), но его интриги никогда не приводили к людским трагедиям. И даже больше того, Криспу были известны случаи, когда военный прокурор

помогал, как это ни странно, тем людям, которые по его милости были изгнаны из правоохранительных органов.

С военным прокурором у Криспа были ровные отношения. Впрочем, такие отношения военный прокурор поддерживал со всеми сотрудниками, за исключением, пожалуй, только лейтенанта Рейльяна, который, как Крисп узнал от сослуживцев, был сыном его друга еще по обучению на юридическом факультете в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Но и по отношению к Рейльяну военный прокурор никогда не высказывал каких-либо предпочтений, просто Крисп, как и все другие, видел, что тому достаются не очень сложные дела, за которые невозможно получить взыскания.

Когда Крисп восемь дней назад решил довериться военному прокурору, он, конечно, рисковал. Он не знал, во-первых, как отреагирует военный прокурор на предложение Криспа помочь ему в фактическом отстранении Розина от участия в деле, во-вторых, согласится ли военный прокурор на почти что авантюрное предложение вести следствие втайне от сотрудников, в том числе втайне от аппарата Главной военной прокуратуры. Как бы то ни было, военный прокурор не послал сразу Криспа куда подальше и даже не назначил в отношении него служебную проверку. Наоборот, он приказал майору юстиции, которого он перевел из дальнего гарнизона, где сам служил (это был единственный человек, которого он перевел в Москву), и который выполнял фактически не вполне уставную функцию ординарца, принести в кабинет две чашки крепкого, хорошо заваренного цейлонского чая, после чего сказал тому, чтобы его ни с кем не соединяли в ближайшие два часа, и стал внимательно слушать Криспа.

Сделав несколько аккуратных глотков чая, Крисп окончательно успокоился и стал рассказывать военному прокурору о деле. Тот его не прерывал, только потихоньку отхлебывал чай и ел баранки, периодически макая их в чашку.

Крисп привел прокурору некоторые умозаключения, выстроил версии. В тот момент у него не было, да и сейчас все еще нет, стройной версии произошедшего, но он понял, во-первых, что Розин оказался в крайне тяжелой ситуации, во-вторых, что начальника военторга убили, причем убили так, чтобы все походило на самоубийство, и доказательств обратного как не было так и нет, в-третьих, произошла какая-то чехарда с криминалистическими экспертизами и вызов экспертов из МВД на место происшествия был сам по себе до конца непонятен, в-четвертых, ни с чем не согласовывалось убийство вдовы начальника военторга, наконец, в-пятых, действовала сплоченная преступная группа, которая имела доступ к оперативной информации.

По окончании рассказа Криспа военный прокурор молчал. Через некоторое время он встал, подошел к столу, взял трубку телефона, покрутил ее в руке и положил обратно на аппарат. Затем он приказал Криспу ехать домой, ни с кем не общаться и ждать его звонка, а сам надел фуражку и вызвал служебную машину к подъезду. В этот момент Крисп наконец понял, что он все сделал правильно.

Ближе к вечеру в квартире Криспа раздался телефонный звонок, и военный прокурор приказал ему прибыть в военную прокуратуру МосГара (как сокращенно между собой называли следователи военную прокуратуру Московского гарнизона), добавив при этом, что тот все равно вряд ли уснет, пока не узнает, чем все закончилось, что, конечно, было абсолютной правдой – вряд ли бы Крисп в ту ночь уснул.

Крисп примчался в военную прокуратуру на такси. В кабинете военного прокурора уже стоял заварной чайник и пахло шикарным цейлонским чаем.

«Не в военторге ли был куплен цейлонский чай?», – мысленно усмехнулся Крисп, зная, что высшему командному составу Вооруженных Сил СССР, к которому относился военный прокурор Московского гарнизона, положен особый паек.

От военного прокурора Крисп узнал следующее.

Первое. Он доложил обо всем Главному военному прокурору.

Второе. Главный военный прокурор взял дело под личный контроль.

Третье. Дело поручено вести Криспу единолично под надзором и контролем военного прокурора Московского гарнизона.

Четвертое. Криспу разрешено взять одного помощника, которому тот доверяет как себе, и обеспечить полную конфиденциальность расследования.

Пятое. Розина не посвящать в ход событий, оставив его формально надзирающим за следствием по делу о самоубийстве начальника военторга. Аппарат Главной военной прокуратуры тоже пока в курс событий не посвящать...

– На сегодняшний день все, – закончил доклад лейтенант Петров.

Крисп оторвался от стола, на краешек которого он присел, и сказал:

– Итак, что мы имеем. Владелец угнанной черной «Волги» установлен.

– Да, – подтвердил лейтенант Петров, – инженер Онищенко, который приобрел ее на чеки «Внешпосылторга», полученные за работу в Индии.

– Машина пока не найдена, – продолжил Крисп. – Дальше. Установлен и допрошен мальчик, который нашел маску в виде очков и усов. Мальчик описал нам достаточно подробно водителя автомобиля, который пытался так неуклюже утопить труп женщины.

Крисп остановился и поглядел на лейтенанта Петрова.

– Кстати, отметить, что в этой неуклюжести есть какая-то неуклюжесть.

– Что? – не понял лейтенант Петров.

– Ничего. Мысли вслух. Наконец, мы с тобой ведем игру с Розиным, который, несомненно, нас раскусил.

– Почему? – спросил лейтенант Петров.

– Потому что ты мне сам доложил, что товарищ подполковник Розин третий день пьет.

– Но не на службе.

– Еще бы, не хватало. Но пьет, по твоим словам, много.

– Да, – со вздохом согласился лейтенант Петров.

– Отсюда следующее предложение. Надо активизироваться по другим делам, чтобы немного исправить видимость ситуации, что мы занимаемся не только самоубийством начальника военторга.

– Есть, – отреагировал лейтенант Петров.

– Что с женой и детьми Розина? – спросил Крисп. – Нашел их в Ялте?

– Пока нет.

– Пока нет, – повторил Крисп и через некоторое время продолжил: – Нам нужно оперативное сопровождение. Очень важно сейчас не ошибиться с выбором ведомства для такого сопровождения. Поговорю с военным прокурором. От этого зависит успех нашего безнадежного дела.

– Думаете, что кто-то из...

– Думаю, – оборвал лейтенанта Петрова Крисп. – Пойдем-ка подышим воздухом.

Они вышли на крыльцо военной прокуратуры, отошли к скамейкам.

На дворе стоял теплый летний вечер. Дневной жар спал. Лейтенант Петров молчал, обоснованно ожидая руководящих указаний от Криспа. Однако тот тоже молчал.

Наконец, через несколько минут Крисп сказал:

– Вот что. Обсуждение всех дел в кабинете прекращаем.

– Думаете...

– Нет, – снова прервал лейтенанта Петрова Крисп. – Просто на всякий случай. А чтобы ни у кого не возникало сомнений, не обсуждаем не только начальника военторга, но и все другие дела. Если кто будет спрашивать, что за тайны, говори, что я темню, наверное, выслуживаюсь.

– Есть, – сказал лейтенант Петров.

Крисп опять помолчал. Потом он втянул с наслаждением вечерний воздух, пропитанный запахом тополя, и спросил:

- Ты ничего необычного в последние дни не замечал?
- Нет, – ответил лейтенант Петров. – А что?
- А то, что два дня как за мной следят... И за тобой, как я полагаю, тоже.

21 июня

Крисп постучал в дверь кабинета Розина и, услышав «войдите», открыл дверь. Розин сидел за столом, и если бы Крисп не знал его так хорошо, то подумал бы, что с Розиным все в порядке. Но это было не так. Лицо его было помято, зеленая офицерская рубашка была не первой, а возможно, даже не второй свежести.

– Здравия желаю, – сказал Крисп.

– Привет, – отозвался Розин. – Садись. С чем пришел?

– С ежедневным докладом, как всегда, – сказал Крисп.

– А что, есть новости? Судя по твоим коротким сообщениям за всю неделю, я так понял, дело застопорилось. И лейтенант Петров то же самое мне сказал, когда я него напрямую спросил, – пробурчал Розин. – Перевербовал ты его в две секунды у меня.

– А не надо было ко мне агентов подсылать, – беззлобно парировал Крисп.

– Ладно. Ну, давай, выкладывай, – сказал Розин и налил себе из графина воды. – А то мне тут еще десяток проверок накидали, надо будет разбираться.

«Это хорошо, – подумал Крисп. – Займись хоть чем-нибудь. А то ты так совсем сопьешься».

– Я еще раз допросил мальчика, который видел человека, пытавшегося избавиться от трупа, – сказал Крисп.

– И что? – с удивлением посмотрел на Криспа Розин.

Крисп взял небольшую артистическую паузу и ответил:

– Видишь ли, мне как-то сразу не понравилась вся эта история с обнаружением женского трупа. И если ты помнишь, лейтенант Петров доложил вначале, что убита не только вдова, но и дети.

– Помню. Он сам потом признался, что ошибся и доложил об этом, немного приврав, поскольку я его ориентировал на подобные случаи. Ты же помнишь, что вдова начальника военторга пропала вместе с детьми?

– Помню, конечно, – ответил Крисп и замолчал.

Розин недоуменно на него смотрел.

– Скажу тебе честно, мне это не давало покоя. Я никак не мог понять, почему лейтенант Петров проявил такое рвение. Взял и доложил, что называется, на всякий случай, что погибла не только вдова начальника военторга, но еще и дети, – сказал Крисп и взял паузу.

– Ну? – спросил Розин.

– Я понял, – сказал Крисп и опять замолчал.

– Не томи, – теряя терпение, сказал Розин и встал из-за стола.

Крисп с удовлетворением отметил, что, несмотря на некоторую неопрятность, китель на Розине сидел хорошо и был отглажен.

«Не все потеряно», – подумал Крисп, лучше других зная щепетильность Розина в одежде.

Розин подошел к окну, которое было приоткрыто, и летний вечерний, немного остывший воздух вкрадчиво пробирался в кабинет. Вдохнув свежего воздуха, Розин повернулся к Криспу и потребовал:

– Рассказывай.

– Расскажу, – спокойно ответил Крисп. – Но давай так. Поскольку мой рассказ будет относительно длинный, сделай, пожалуйста, нам по чашке чая.

– Дожили, – сказал Розин. – Подчиненный у начальника чай требует.

– Не требую, – сказал Крисп. – Прошу. И потом, тебе жалко, что ли, кипятка?

– Не жалко. Только чая нет. Кофе будешь?

– Буду.

Пока Розин наливал воду в две чашки и последовательно кипятил ее в них при помощи кипятильника, Крисп изо всех сил пытался разыгрывать непринужденность. Их отношения с Розиным дали трещину, он это прекрасно понимал. Но как поступить в сложившейся ситуации, Крисп до сих пор не знал. Ведь не он, а Розин первым стал скрывать от него информацию. И при этом делал все, чтобы у Криспа не возникло неприятностей. Потому что, и это теперь Крисп знал совершенно точно, неприятности были у самого Розина.

Крисп взял любезно предложенную чашку с растворимым кофе, размешал кусочек сахара, пригубил и начал свой доклад:

– Ты прав. Я сам у Петрова несколько раз переспрашивал, почему он доложил тебе, что обнаружены тела вдовы начальника военторга и его детей. И он мне, как и тебе, говорил, что это его ошибка.

– И что же тебя не устроило?

– Не устроил лейтенант Петров.

– В смысле?

– Благодаря тебе мы с ним сошлись довольно плотно. Я его, как мне кажется, немного понял. Он, кстати, далеко пойдет, если избавится хотя бы от одного своего недостатка.

– У него их много? – уточнил Розин.

– Не так, чтобы очень, – парировал Крисп. – Так вот. У лейтенанта Петрова зашкаливает чувство ответственности.

– Это недостаток? – удивился Розин.

– При определенных обстоятельствах это может стать недостатком. Но ближе к телу, как говаривал друг наших подростков Мопассан. Итак, я понял, что лейтенант Петров, как ты знаешь, должен был доложить тебе о ЧП с женщиной и детьми. Он ждал этого ЧП и, как только оно случилось, сразу же доложил тебе, что обнаружены трупы женщины и детей.

– Ну, помню, – нетерпеливо перебил Розин.

– Подожди, – сказал Крисп. – Но почему он доложил, что убита вдова начальника военторга?

– Предположил, – сказал Розин. – Он мне так по телефону и сказал: предположительно, вдова начальника военторга.

– С детьми? – уточнил Крисп.

– С детьми.

– То есть он сказал, что, предположительно, убита вдова начальника военторга с детьми, правильно? – еще раз уточнил Крисп.

– Правильно, – сказал Розин. – К чему все это?

– К тому, что на самом деле лейтенант Петров не предположил. Наоборот, он усомнился в предоставленной ему информации.

Розин застыл с чашкой кофе, поднесенной ко рту.

– Сейчас не понял, – признался он.

– Лейтенанту Петрову доложили о том, что убита вдова начальника военторга с детьми, а он нам с тобой говорит, что ему доложили, что найдена убитая женщина, – сказал Крисп и, понимая, что Розин еще больше запутался, продолжил. – Было два разных доклада. В одном говорилось, что найдена убитая женщина, а в другом, что обнаружен труп вдовы начальника военторга с убитыми детьми.

Наступила пауза. Розин допил остывающий кофе, поставил чашку на стол, сел на стул и спросил.

– Это тебе лейтенант Петров сказал?

Крисп усмехнулся.

– Нет. Лейтенант Петров, думаю, не скоро сознается, потому что считает, что ошибся он. На самом деле у него было по сути два разных доклада. Это я выяснил в дежурной части на Петровке, 38. Но интересно даже не это.

– А что? – машинально спросил Розин.

– То, что в дежурную часть милиции сообщение об обнаружении трупа вдовы начальника военторга поступило первым. Второе сообщение было об обнаружении трупа неизвестной женщины. Оба – из телефона-автомата.

Крисп выдержал еще одну театральную мхатовскую паузу по Константину Сергеевичу Станиславскому и добавил:

– С интервалом в одну минуту.

Розин опять встал из-за стола и подошел к окну.

– То есть ты полагаешь, что звонил один и тот же человек?

– Думаю, да.

Теперь Розин замолчал на ту самую минуту.

– Но зачем? Какой смысл? – спросил он.

– Точно не могу сказать.

– А предположить?

– Предположить, наверное, могу, но пока рано, – сказал Крисп и добавил: – Зато, как мне кажется, я знаю, кто это звонил.

Розин в очередной раз с изумлением на него уставился.

– И кто? – спросил он.

– Думаю, тот, кто пытался избавиться от трупа на набережной.

– Зачем? – в очередной раз спросил Розин.

– Правильный, как говорится, товарищ подполковник, вопрос. Очень своевременно поставленный, между прочим. А своевременно поставленный вопрос – это почти что решенная задача, – торжественно заявил Крисп.

– Ладно тебе, – оживился Розин.

На глазах у Криспа произошло превращение унылого и безрадостного человека в того Розина, который когда-то был его наставником.

– Хорошо, – сказал Крисп. – Теперь подумаем, зачем звонившему это понадобилось, если я, конечно, не ошибаюсь.

– Ладно тебе, – повторил Розин. – Давай свои во-первых, во-вторых, в-третьих.

Крисп уселся поудобнее, отхлебнул кофе и взглядом предложил Розину сделать то же самое. Тот послушно уселся на стул, положил руки на стол и приготовился слушать.

– Итак, – начал Крисп, – как мы тебе с Петровым докладывали, мы нашли тот примитивный маскарад, которым прикрывался человек, пытавшийся избавиться от трупа вдовы начальника военторга. Еще при первом докладе лейтенанта Петрова я обратил внимание, что человек так сильно пытался избавиться от тела, что его чуть на месте преступления не застучали. И потом, когда я еще раз допросил мальчика, который нашел очки с усами, он мне все это подтвердил.

– Что подтвердил? – не понял Розин.

– Этот человек намеренно возился с трупом так, чтобы труп был найден. И как можно скорее.

– Зачем? – спросил Розин.

Крисп вздохнул. Ответа у него не было.

– Смотри, – сказал он. – В дежурную часть поступают два звонка. Сообщается о труп на набережной. Угадай, в каком звонке по счету было сказано о детях?

– Во втором, – сказал Розин.

– Точно. И значит, в первый раз звонивший ошибся. У него было точное указание, позвонить и сказать, что убиты и вдова, и дети начальника военторга. Но поскольку он явно человек в этом деле новый, то он растерялся. Правда, довольно быстро исправил свою оплошность.

– И что из этого следует? – спросил Розин.

– Из этого следует, что этот звонивший позвонил еще до того, как труп привезли на набережную. И звонил он по дороге, когда ехал на набережную. Звонил он заранее, чтобы труп был точно найден. Это первое. Второе – он был уверен, что у него будет время выложить мешок с трупом из машины до того, как приедет милиция. И третье – он знал наверняка, что его не опознают. Поэтому, и это четвертое, он не из Москвы, здесь не прописан и не зарегистрирован.

– А пятое? – спросил Розин, как показалось Криспу, с надеждой.

– Пятое – я не пойму, что все это значит, – сказал Крисп.

Розин слегка побарабанил пальцами по столу и сказал:

– Понятно, что ничего не понятно. Если ты прав, то что это нам дает?

– Это нам дает возможность повнимательнее присмотреться к начальнику военторга, – сказал Крисп. – У него по делу были сообщники? Может, их еще раз допросить?

Розин неожиданно вскочил со стула и махнул от досады рукой.

– Какие там сообщники! – воскликнул он. – Я же тебе сказал, что дело практически закрыто.

«Хорошо, что водитель Розина далеко и не видит, как начальник машет руками, – подумал Крисп. – А то бы сейчас подхватился и подкатил на машине прямо в кабинет».

Крисп некоторое время смотрел на мечущегося по кабинету Розина, который вновь потерял спокойствие, и задал ему вопрос, ради которого, собственно, и приходил:

– А ты вдову начальника военторга живой видел?

28 июня. 9:00

Утром не успел Крисп зайти в кабинет, как у него на столе зазвонил телефон. Он снял трубку и услышал голос военного прокурора:

– Прошу зайти с докладом по самоубийству начальника военторга.

У Криспа засосали внутренности от ожидания неприятностей. Он схватил справку о деле, которая всегда у него была под рукой (в военной прокуратуре так было заведено, что по каждому делу следователь вел справку, в которую периодически вносил коррективы по мере движения дела), и помчался к военному прокурору. В приемной ординарец молча указал ему на дверь. Крисп открыл дверь и оторопел. В кабинете военного прокурора находилось пять человек, двое из которых были в военной форме в звании генерала. Они все сидели за отдельным столом, перед ними были наполненные чашки с чаем (в кабинете военного прокурора был отдельный небольшой стол для проведения оперативного совещания с заместителями или для вот таких полуофициальных встреч).

– Заходите, – приказал военный прокурор.

Крисп закрыл за собой дверь и остался стоять рядом с ней.

Военный прокурор не предложил ему ни присесть, ни даже пройти дальше вглубь кабинета.

– Товарищ капитан, – официально обратился военный прокурор к Криспу. – Доложите, пожалуйста, на каком этапе находится сейчас дело о самоубийстве начальника военторга. Здесь наши товарищи прибыли из разных ведомств, им необходимо получить информацию из первых рук.

Крисп кивнул и начал:

– Товарищ полковник, товарищи! Истекает первый месяц со дня возбуждения уголовного дела по факту гибели начальника военторга. За это время были допрошены...

– Это детали. Что по существу? – перебил его военный прокурор.

Крисп удивился, но постарался не подавать виду.

– Есть. По существу. Итак, были проведены следственные действия и назначены экспертизы. Причем баллистическая экспертиза проводилась сотрудниками...

– Товарищи в курсе, – опять перебил его военный прокурор. – Скажите, пожалуйста, когда планируется завершить дело?

Крисп замешкался на полсекунды, но тут же взял себя в руки:

– Поскольку, как я уже сказал, все экспертизы проведены, осталось дожидаться их официального поступления в военную прокуратуру и...

– Я невнятно задаю вопрос? – повысил голос военный прокурор. – Когда планируете завершить расследование о самоубийстве?

– До конца текущего месяца, – соврал Крисп.

– Это нереально, – спокойно произнес военный прокурор. – Даю вам срок – три недели. Вы свободны.

– Есть, – отрапортовал Крисп, развернулся и вышел из кабинета.

Он едва не бегом донесся до своего кабинета, увидел там пришедшего за время его отсутствия лейтенанта Петрова, закрыл дверь, в ответ на приветствие, ответил:

– Здорово, – и приложил палец к губам.

Петров удивленно смотрел на Криспа. Крисп сел за рабочий стол. Он открыл сейф, положил внутрь справку, с которой ходил к военному прокурору, и уставился на гладкую крышку стола. С самого начала службы он завел привычку не оставлять ни одного документа на столе, если покидал кабинет. «Стол должен быть чистым, – говорил ему его первый военный прокурор. – Бардак на столе, бардак в делах». Прошло полчаса. Крисп услышал в коридоре шаги и понял, что гости вышли из кабинета военного прокурора. Он ждал. Он ждал звонка от военного прокурора. Но телефон молчал. Потом он услышал, как в коридоре раздалась команда «смирно», затем послышались шаги и во дворе завелась служебная «Волга» военного прокурора. Вскоре машина несколько раз газанула и уехала.

Крисп еще немного подождал, потом махнул головой Петрову в сторону двери. Петров был до того сильно удивлен поведением Криспа, что все это время просто на него пялился. Они одновременно молча встали и вышли на улицу.

Крисп несколько раз прошелся по прилегающей к военной прокуратуре территории, затем остановился напротив лейтенанта Петрова и сказал, рассуждая вслух:

– Не ошиблись ли мы с выбором оперативного сопровождения?

Лейтенант Петров молча смотрел на Криспа, и тот продолжил:

– Напрасно мы понадеялись на особистов. Надо было просить оперативное сопровождение у оперов.

– Почему? – наконец заговорил лейтенант Петров. – Что случилось?

– Меня вызвал к себе военный прокурор и задал несколько нелепых вопросов. Но дело не в этом. Дело в том, что он всячески пытался сделать так, чтобы я ничего не рассказал тем людям, которые у него были в кабинете.

– А кто там был? – спросил Петров.

– Откуда я знаю, – пожал плечами Крисп и вдруг вспомнил, где он видел двоих из присутствовавших в кабинете военного прокурора. Два генерала были в квартире начальника военторга, когда его вызвал Розин для проведения осмотра места происшествия. У военного прокурора не было высокого статного генерала с седыми висками, поэтому Крисп не сразу сообразил, что это были за люди. Трех других штатских Крисп раньше не встречал.

«Раз седовласого генерала не было, значит он среди них главный», – подумал Крисп и обратился к Петрову:

– Товарищ лейтенант, вам задание.

– Слушаю, – отозвался Петров.

– Надо установить, правда, пока не понимаю, через кого, всех, кто был в момент осмотра места происшествия в квартире начальника военторга.

– Понятно, – сказал Петров.

– А мне вот непонятно, – сказал Крисп.

Он был в полной уверенности, что после того, как гости уйдут от военного прокурора, тот его вызовет и объяснит, что это были за визитеры и почему он настаивал на версии о самоубийстве начальника военторга, зная, что Крисп разрабатывает версию его убийства. Но военный прокурор сам куда-то срочно сорвался.

– Ладно, – сказал Крисп и предложил лейтенанту Петрову: – Садись на скамейку. Давай разберем, что мы имеем на сейчас.

Они уселись под нависшими над скамейкой кустами, которые давали благодатную тень, и лейтенант Петров начал:

– Как вы приказали, я плотно занялся изучением личной жизни начальника военторга. И, как я уже вам докладывал, выяснились любопытные подробности.

«Как обычно, – усмехнулся про себя Крисп. – Не бывает человека без обратной стороны его жизни».

– Было установлено, что начальник военторга фактически жил на две семьи. Одна семья – это его первая жена и дети. Другая семья – это вторая жена и еще один ребенок. Причем, судя по всему, обе жены знали друг о друге. Интересно, что начальник военторга последние несколько лет, ну, по крайней мере три года, не показывался на людях со своей женой. В смысле, с официальной женой. И с неофициальной – тем более. Он всегда приходил один, объясняя, что жена чем-то там занята. Так что многие даже не знают, как его жена выглядит.

– Вот именно, – сказал Крисп.

Лейтенант Петров удивленно на него посмотрел.

– Продолжай, – попросил Крисп и махнул рукой, мол, не обращай внимания на мои реплики.

– У начальника военторга был своего рода график посещения жен. Одну неделю он проводил с первой женой, которая жила постоянно на даче, а вторую неделю – со второй женой, которая живет в Москве.

– Интересно, – сказал Крисп.

– Интересно, что между ними была, кажется, еще третья женщина, – воодушевился лейтенант Петров.

– Да, – подтвердил Крисп. – Мы это с тобой обсуждали. Похоже, наш ловелас, имея двух жен, еще находил время и средства на любовницу. Но в данной ситуации меня продолжает мучить вопрос: ты нашел детей начальника военторга?

– Нет, – признался Петров. – Собственно, и жены исчезли.

– Обе? – спросил Крисп.

– Обе.

– А любовница? – спросил Крисп.

– Любовница на месте, – ответил Петров. – И, судя по всему, не сильно переживает, что возрастной любовник погиб. К ней уже кто-то другой навещается на съемную квартиру.

– Флаг ей в руки, – сказал Крисп. – Попробуй установить, не связан ли ее новый хахаль с делами военторга, и, если это простая любовная связь, больше на нее тратить время не будем. Я думаю, она здесь ни при чем.

Крисп помолчал и потом спросил:

- У дантиста был?
- Вчера.
- Что сказал дантист?
- Как вы и предположили, жена начальника военторга и убитая женщина, брошенная на набережной, – это совершенно разные люди.
- Первая или вторая жена? – спросил Крисп.
- Обе, – ответил Петров. – Они обе лечились у одного и того же дантиста. Ну, не одновременно, конечно. И они обе – не похожи на убитую. Я показал фото убитой, и дантист ответил, что погибшую женщину он никогда не видел.
- Понятно, – сказал Крисп и после паузы продолжил:
- Итак. Во-первых, убитая – не жена (вдова) начальника военторга. Во-вторых, у нее были документы на жену начальника военторга, и она наверняка об этом знала. В-третьих, ее опознала как жену начальника военторга тетя Шура, она же Анастасия Петровна, которая постоянно убиралась на даче начальника военторга. Что из этого следует?
- Что? – спросил Петров.
- То, что начальник военторга планировал каким-то образом исчезнуть вместе с женами и детьми. А эта женщина, которая была больна онкологическим заболеванием, за большие, видимо, деньги пыталась ему в этом помочь, обеспечивала, так сказать, операцию прикрытия.
- Как-то мудрено, – недоверчиво пробормотал лейтенант Петров.
- Не скажи. Важно понять мотив побудительных поступков начальника военторга. Я думаю, что или он хотел спрятаться с огромными деньгами, что в нашей стране невозможно, а выехать за границу с двумя женами и детьми, да еще с поддельными документами – вообще нереально. Или...
- Или? – спросил лейтенант Петров, поскольку Крисп замолчал.
- Или он хотел на какое-то время где-то спрятаться. Если мы с тобой сейчас рассуждаем правильно, то вот тебе поручения. Первое – надо провести по всем известным нам адресам обыски и найти липовые новые документы на начальника военторга, его жен и детей. Еще надо найти деньги. На что-то же он собирался жить. Второе – надо установить настоящую личность погибшей женщины. Я думаю, что искать надо среди относительно дальних родственников его жен. Третье – искать детей и жен. И с этого надо начинать. Все они в большой опасности. Четвертое – запроси, нет, съезди сам в милицейскую поликлинику на Петровке и спроси у них по поводу обращения с раной на пальце, о чем я тебе говорил.
- Понял, – сказал лейтенант Петров. – А что с оперативным сопровождением?
- Сейчас менять ничего не будем. Но будь начеку. Во всяком случае, поручай особистам конкретные вещи, в подробности не вдавайся, кто бы чего не выспрашивал.
- А вы? – спросил лейтенант Петров.
- Я поеду к Розину. Ты установил, где он прячет детей и жену?
- Да, но вы же сказали, что пока не время предпринимать активные действия.
- Сказал. Но ситуация изменилась. У меня такое ощущение, что мы накануне каких-то событий. И потом этот сегодняшний цирк с гостями у военного прокурора...
- Крисп задумался и потом спросил:
- Слежку за собой замечал?
- Да, – сказал лейтенант Петров.
- Особистам об этом говорил?
- Нет. Вы же запретили.
- Все верно, – подтвердил Крисп и задал главный вопрос:
- А за последние три дня слежка вроде как прекратилась, верно?
- Лейтенант Петров пожал плечами и ответил:
- Ну я же не разведчик, товарищ капитан. Может, они стали более скрытно следить.

– Вот и за мной последние три дня перестали следить, и это пугает.

28 июня. 14:00

Крисп сказал лейтенанту Петрову, что поедет к Розину. Но поехал он не к Розину. По дороге к метро он из телефона-автомата позвонил экспертам с Петровки, 38, – Сергею и Андрею. Те были на месте, и Крисп попросил их о встрече, но не на работе. Слегка удивившись, оба согласились, но назначили встречу на вечер, сославшись на занятость.

Крисп слегка расстроился, зашел в метро и задумался, где и как ему убить едва ли не целый день. На службу возвращаться желания не было. Все равно работать не смог бы, а мозолить глаза сослуживцам не хотелось. Домой тоже ехать смысла не было. Жил он на окраине Москвы, в спальном районе, и больше потерял бы времени на дорогу.

Поразмышляв таким образом, Крисп сел в подземную электричку и поехал в центр. Он любил гулять по Москве. Москва ему нравилась. Город был чистый, спокойный. Правда, в последнее время сильно изменился. Народу стало значительно больше, люди приезжали из глубинки РСФСР, из союзных республик. Экономика страны трещала по швам, разваливались годами сколачиваемые научные конструкторские творческие и рабочие коллективы, вот-вот должны были остановиться целые заводы. Но лидер страны Михаил Сергеевич Горбачев в ответ на все упреки гордо отвечал: «Зато в стране царит воздух свободы».

«Куда нас такая свобода заведет? – думал про себя Крисп. – Да и воздух уже кажется не таким свежим».

Он не был апологетом советского строя, много сомневался, видел недостатки, раздражался, как и большинство граждан, из-за тотального дефицита и из-за бесконечного стояния в очередях для приобретения всякой ерунды. Но необходимые продукты были всегда, и любой человек мог их приобрести за сущие копейки. Наверное, Горбачев прав, перемены нужны, но почему эти перемены ведут не к улучшению, а к ухудшению ситуации? Странные какие-то перемены.

Вот и кривая преступности медленно, но верно ползет вверх. Когда Крисп учился, преподаватели ему говорили, что западные криминологи удивлены низким уровнем преступности в СССР. Они называли города СССР городами без преступности. И хотя это было, конечно, не так, но люди на улицах чувствовали себя в безопасности, дети спокойно играли во дворах, в школах не было никакой охраны. А в последнее время стали появляться какие-то ЧОПы (частные охранные предприятия), причем люди в этих ЧОПах на вид были похожи скорее на бандитов, чем на охранников. И чем больше становилось ЧОПов, тем хуже обстояло дело с безопасностью. Дело военторга было звеном в цепи ухудшающегося положения дел...

Прогуливаясь неспешным шагом, Крисп сам не заметил, как подошел к военторгу на Калининском проспекте. Он посмотрел вверх на величественное здание и вошел внутрь.

Крисп бывал здесь и раньше, но сейчас его в очередной раз поразили маршевая лестница и высоченные потолки с сохранившимися старинными росписями. Крисп знал, хотя и не в деталях, историю здания. Здание было построено в 1910–1913 годах по проекту архитектора Сергея Борисовича Залесского на деньги, собранные офицерами экономического общества Московского военного округа. Экономическое общество было чрезвычайно популярно. Его история берет свое начало в 1765 году, когда граф Григорий Григорьевич Орлов (фаворит императрицы), граф Роман Илларионович Воронцов, граф Иван Григорьевич Чернышев, барон Александр Иванович Черкасов и другие обратились к Екатерине II с посланием об организации Вольного экономического общества. В задачи общества были определены изучение русского земледелия и распространение полезных для этого сведений. Одним из первых в России общество стало собирать статистические данные, правда, в основном касающиеся земледелия. 11 ноября 1765 года Екатерина II одобрила создание Вольного экономического общества

и утвердила его устав. В дальнейшем привилегии Вольного экономического общества подтверждались рескриптами каждого последующего императора. Даже Александр III, который после убийства его отца императора Александра II подозрительно относился ко всем общественным объединениям, не препятствовал деятельности экономического общества, хотя на тот момент в нем лидирующее положение заняли так называемые англомены (поклонники либеральной британской модели управления экономикой). При Николае II Вольное экономическое общество было поставлено под контроль Министерства земледелия. В 1900 году обществу было запрещено проводить публичные заседания. Фактически после этого Вольное экономическое общество прекратило свою деятельность, хотя отдельные отчеты и выступления его членов в печати продолжались до начала Первой мировой войны.

Здание военторга строилось, когда в России отмечалось столетие Отечественной войны 1812 года, что нашло отражение и в росписях на стенах, и в барельефах, и в скульптурах. Само здание представляло собой в действительности комплекс зданий, связанных между собой переходами. В первой части располагались торговые ряды, именно здесь сейчас находился Крисп, вторая часть здания предназначалась под жилые помещения. Криспу кто-то рассказывал, что после Октябрьской революции 1917 года в одной из квартир в этом здании проживал известный венгерский революционер Бела Кун. Вскоре после окончания строительства в новом здании экономического общества офицеров Московского военного округа была организована выставка нового объединения художников с двусмысленным названием «Бубновый валет», двусмысленным потому, что во второй половине XIX века в Москве действовала организованная банда с названием «Червонные валеты», в которую входили в том числе выходцы из знатных дворян. В объединение художников «Бубновый валет», которые приняли непосредственное участие в выставке в новом здании, входили известные художники того времени – Петр Петрович Кончаловский, Александр Васильевич Куприн (не путать с писателем Александром Ивановичем Куприным), Роберт Рафаилович Фальк, Моисей Александрович Фейгин. Примечательно, что все они приняли советскую власть и никто из них не подвергался репрессиям. Из этого Крисп сделал для себя вывод, что Октябрьская революция не только не была случайным стечением обстоятельств, но в течение длительного времени готовилась в недрах того общества, которое в действительности хотело перемен, но толком не знало каких. И только Владимир Ильич Ульянов-Ленин точно знал, чего он хочет, правда, тоже не совсем был в курсе, к чему все это может привести.

Крисп поднялся по лестнице на второй этаж, посмотрел довольно скудный ассортимент товаров и с досадой вспомнил, что каких-то пять лет назад товаров было намного больше. Нельзя сказать, что было изобилие, советская экономическая система, увы, предполагала дефицит наиболее востребованных продуктов и товаров, но во всяком случае Крисп всегда мог выбрать то, что ему было необходимо. Тем более что в военторге товары отпускались только военнослужащим. Сейчас почти все товары продавались кому угодно – следствие демократизации советского общества. Только эта демократизация никак не коррелировала с экономическими реалиями. Вообще, как-то странно было наблюдать, когда провозглашаемые новые ценности вступали в очевидное противоречие не только с экономикой, которая стояла на плановой распределительной основе, но и с идеологическими партийными догмами. С одной стороны, советским людям говорили об изобилии капиталистической рыночной экономики, с другой – партийные чиновники не забывали говорить об эксплуатации и неравенстве как основе капитализма. Парадоксально, но и то и другое было правдой. Как и то, что курс на самостоятельность советских республик неминуемо вел к распаду огромной страны. Крисп ставил эти вопросы на общих собраниях офицеров военной прокуратуры, но представители политического ведомства Министерства обороны убеждали его и всех остальных, что коммунистическая партия и ее лидер (все тот же Горбачев) знают, что делают, что никакой опасности нет, что страна движется

в правильном направлении к разрядке международной напряженности, а все экономические и социальные трудности носят временный характер.

«Ничто не бывает таким постоянным, как что-то временное», – вспомнил тогда слова своего отца Крисп.

Крисп стал спускаться по лестнице вниз и еще раз оценил великолепие здания. Интересно, что архитектор Сергей Борисович Залесский на самом деле не выиграл объявленный конкурс на постройку здания. Но его проект понравился тем, кто принимал решение о строительстве, и они поручили возведение монументального здания именно ему. За построенное здание Залесский получил премию Московской городской думы, а само здание экономического общества офицеров Московского военного округа на долгие годы стало одной из достопримечательностей Москвы. Символично, что после Октябрьской революции 1917 года оно было передано в распоряжение Красной Армии.

Судьба Залесского туманна. Точных сведений о том, что с ним происходило после 1917 года, нет. Известно, что умер он 30 июня 1933 года (то ли умер, то ли был репрессирован).

Крисп обратил внимание, что здание давно не реставрировалось. Были видны не только подтеки, но и отслоившаяся штукатурка и даже трещины.

«Прямо символ нашего современного государства, – подумал Крисп. – Везде подтеки, трещины, а мы как будто ничего не замечаем».

Расхаживая по залам второго этажа военторга и вскользь глядя на прилавки, Крисп думал о том, кто и что стоит за убийством начальника военторга. Вместе с лейтенантом Петровым и с помощью особистов они самым тщательным образом проверили всю финансовую сторону работы военторга. Начальник военторга, что называется, ни в чем себе не отказывал, содержал две семьи, имел две хорошие квартиры (одна для второй жены), дачу, еще одну квартиру снимал для молодой любовницы. Но все это вполне укладывалось в весьма высокое денежное содержание, которое он получал. Плюс квартиры и дача были государственными, то есть платил он только за коммунальные платежи. Служебная машина тоже не требовала дополнительных финансовых затрат. Что касается уголовного дела, которое было против него возбуждено, то оно не имело никаких судебных перспектив. Крисп после внимательного изучения всех документов был в этом уверен. Хищения были, но незначительные и в основном совершались путем пересортицы, когда товар более низкого сорта продавался по завышенной цене и наоборот. Для советской торговли это было не исключением, а правилом, следствием издержек социалистической экономики и отсутствия эффективного рыночного механизма спроса и предложения. Все эти манипуляции делались в основном ради обеспечения пресловутого плана. Начальник военторга в этом смысле был не лучше и не хуже других работников отечественной торговли. Если только за это его надо было судить, то тогда всех остальных руководителей надо было точно так же судить. Но это сделать было невозможно хотя бы потому, что остановилась бы вся торговля.

Тем не менее поначалу уголовное дело против начальника военторга велось довольно ретиво. И даже высокие покровители начальника военторга ничего не могли поделать. Как установил с помощью военного прокурора Московского гарнизона Крисп, указание на возбуждение уголовного дело дал Главный военный прокурор. Правда, не в отношении конкретно начальника военторга, а просто по фактам пересортицы. По утверждению военного прокурора Московского гарнизона, никакой тайной подоплеки не было, решение о возбуждении уголовного дела принималось после проведения комплексной проверки, а такая практика для военной прокуратуры была обычной. И Крисп это хорошо знал. Другое дело, сам ход расследования был необычным – из огня да в полымя. То везде отчитались, что раскрыли массовые хищения, то сами же стали замыливать результаты собственного расследования.

Крисп спустился вниз на первый этаж и посмотрел вверх. Красивое здание.

«Странная за нами с лейтенантом Петровым была слежка, – рассуждал про себя Крисп. – Не просто непрофессиональная, а нарочито непрофессиональная. Как будто не следили, а просто хотели вывести из равновесия. Не так ли поступали в отношении Розина?»

Крисп не отменил своего решения встретиться с Розиным и расставить все точки над «і». Он теперь знал наверняка, почему Розин так странно себя вел. Знал о том, что Розину угрожали, угрожали, что похитят его детей. Именно поэтому он их спрятал вместе с женой. Но спрятал ненадежно, потому что особысты их нашли, знали, что его жена и дети живут в деревне в Подмоскowie на даче у близких друзей-музыкантов Розина. (У прокуроров широкий круг общения, многие представители так называемой богемы на всякий случай стараются с прокурорами дружить. И в искренности дружбы Розина и очень известных музыкантов одной из первых в стране рок-групп Крисп не сомневался. Розин и сам был не чужд увлечению музыке и даже втихаря пописывал песенки, которые затем его приятели под различными псевдонимами, скрывавшими авторство истинного их сочинителя, исполняли.)

«Раз нашли особысты, значит найдут и те, от кого Розин пытается свою семью спрятать, – думал Крисп. – И лучшее средство защиты в этой ситуации – это нападение. Поэтому мне Розин должен назвать фамилии тех, кто ему угрожает».

Крисп подошел к телефону-автомату, который был на первом этаже недалеко от выхода, и стал искать две копейки. Увы, вся мелочь была потрачена. Крисп знал, что никто ему две копейки не даст, поэтому он пошел в буфет и стал внимательно смотреть на напитки, которые ему надо было приобрести, чтобы получить сдачи две копейки. Наконец он выбрал чай, дал буфетчице десять копеек и получил сдачу пять и две копейки. Отхлебнув горячий, но совершенно невкусный чай, Крисп вежливо поблагодарил буфетчицу, которая за качество товара не несла никакой ответственности (очередные парадоксы советской торговли и советского общепита), и сказал:

– Красиво у вас тут.

Та немедленно отозвалась.

– Да. Только недолго осталось.

– В смысле? – не понял Крисп.

– Сносить нас вроде как собираются.

– Да? – искренне удивился Крисп. – Не знал.

– Так такие вещи никогда не афишируют. Вот моя мама, например, жила напротив храма Христа Спасителя. Вчера был храм, а завтра не стало. И никому ничего заранее не говорили. В начале декабря 1931 года взяли и взорвали.

– Москвичка? – спросил Крисп.

– Москвичка, – подтвердила буфетчица. – Только вот где работу искать, если наш военторг ликвидируют?

– Да, – с сочувствием сказал Крисп и пошел к телефону-автомату.

Он набрал номер экспертов, и те подтвердили встречу, назначив ее на семь вечера. Крисп проворчал, что, мол, поздновато, но сошлись на том, что встреча будет в Чертаново рядом с Битцевским парком, где жил Сергей и Крисп по случаю тоже.

Крисп вышел на улицу, оглянулся на здание. Времени было еще достаточно, и он решил пойти в кино, благо старейший московский кинотеатр «Художественный» был совсем рядом.

Его охватило неясное ощущение. Ощущение, что вроде как он все понял. Крисп остановился и задумался.

«Надо позвонить лейтенанту Петрову, пусть проверит, – подумал Крисп. – Но сначала уточню все у экспертов и переговорю с Розиным».

28 июня. 19:00

– Привет, – сказал Крисп и поздоровался за руку сначала с Сергеем, потом с Андреем.

– Привет, – ответили те.

Все сели за стол. Официантка принесла салаты и чай.

Они встретились в кафе, которое было то ли кооперативным, то ли пока еще государственным. В любом случае цены уже были почти что рыночные. Но зато здесь были тихо, чисто и не шумно.

– Как дела? – спросил Сергей.

– Дела у прокурора. В моем случае – у военного, – дежурно пошутил Крисп.

– Ну-ну, – сказал Сергей.

Крисп отметил про себя, что Сергей сознательно взял на себя роль лидера. Андрей пока отмалчивался и вообще был, кажется, немного растерян.

– Что за срочность? – спросил Сергей. – И почему встреча не на Петровке?

Крисп решил не торопить события и сказал:

– А вы оба в этом районе живете?

Сергей откинулся на спинку стула. Они с Андреем переглянулись.

– Нет, – ответил Сергей. – Андрей живет в Беляево. Вот специально притащился. Так в чем дело?

– А я вот живу недалеко. В районе Балаклавского проспекта, – сказал Крисп и отметил, что Сергей усмехнулся.

«Знают», – подумал Крисп, и его это раздосадовало, хотя он понимал, что оперативникам пробить его адрес ничего не стоило.

Крисп пригубил чай, взял в руки вилку и поковырялся ею в салате.

– Хочу уточнить насчет экспертизы, – сказал Крисп и продолжил: – Значит, экспертизу по пистолету не назначали.

– Не назначали, – сказал Сергей.

– Но вы ведь ее все равно провели, – сказал Крисп.

Сергей и Андрей вновь переглянулись.

– В чем дело? – жестко спросил Сергей, снял очки и протер их носовым платком, который вынул из кармана брюк.

Крисп отложил вилку в сторону и пристально посмотрел на Сергея.

– А что ты так занервничал? – стараясь говорить спокойно, спросил в ответ Крисп.

Сергей молчал. Андрей недоуменно переводил взгляд то на Криспа, то на Сергея. Крисп понял, что пора раскрыть карты, хотя бы часть из них.

– Андрей, – обратился Крисп к напарнику Сергея. – Зачем Сергей предложил проводить экспертизу пистолета, если такого поручения не было?

Андрей испуганно посмотрел на Сергея и сказал:

– Он сказал, что это дело профессиональной чести.

– Понятно, – сказал Крисп.

Сергей продолжал недобро молчать.

– И что же вы в результате экспертизы установили? – спросил Крисп.

– Ничего, – жестко сказал Сергей и надел очки, которые до этого он все еще держал в руках вместе с платком.

Крисп окончательно отодвинул от себя тарелку с салатом и, придвинувшись вплотную к столу, произнес:

– Вот что я вам скажу, ребята. Не знаю, кто и зачем втянул вас в эту игру, но это очень нехорошая игра. Я бы сказал, игра с большими последствиями для вас.

– О чем он? – спросил Андрей у Сергея.

– Наш военный следователь – большой выдумщик, – ответил Сергей. – Пойдем, Андрей. Мне кажется, он сейчас начнет, чего доброго, нас в убийстве обвинять.

Сергей поднялся из-за стола и кинул на стол три рубля. Вслед за ним поднялся Андрей. Крисп продолжал сидеть, смотря на обоих милиционеров снизу вверх.

– Что бы ты там себе не напридумывал, – сказал Сергей, – мы действовали строго по инструкции, ничего не нарушали.

– Конечно, – согласился Крисп, продолжая сидеть, – вы ведь выполняли приказ. Только чей? Я вот думаю, не своего непосредственного начальника. А ведь это нарушение субординации. Милиция, разумеется, не армия, но, насколько я понимаю, за такое по голове точно не погладят.

Андрей опять посмотрел на Сергея и сказал:

– Ты же говорил...

– Пойдем отсюда, – перебил его Сергей. – Не слушай этого болтуна. Мы действовали по закону.

Сергей и Андрей встали.

– Кстати, – вдогонку сказал Крисп, обращаясь к Сергею, – как твой палец? Зажил? И почему ты не обращался в поликлинику? Ведь рана-то серьезная, вон сколько времени не заживает.

Сергей откровенно зло посмотрел на Криспа, потом машинально взглянул на свой палец, который все еще был залеплен лейкопластырем, и пошел к выходу, Андрей затрусил за ним, на ходу о чем-то продолжая его спрашивать. Но этих слов Крисп уже не слышал.

«Действовали по закону, – повторил про себя слова Сергея Крисп. – Вот только по какому закону? Законов у нас в стране становится все больше разных и прекрасных».

Из кафе Крисп позвонил Розину, уточнил у того, что тот еще не ложится спать, и поехал к нему домой. Вечер продолжался и становился бесконечным.

28 июня. 21:00

– Привет, – сказал Розин, открывая дверь Криспу, когда тот позвонил в дверь.

– Привет, – сказал Крисп, отметив про себя, что вид у Розина продолжал оставлять желать лучшего, но хотя бы Розин был совершенно трезв.

– Чаю, – предложил Розин.

– Давай, – ответил Крисп, и они прошли на маленькую кухню.

У Розина была стандартная двухкомнатная квартира общей площадью порядка семи-десяти квадратных метров. Удивительно, но в квартире совершенно не ощущался табачный запах. Крисп бывал у Розина и раньше и знал, в чем здесь секрет. Жена Розина категорически запрещала ему курить в квартире. Розин стоически это переносил и курил даже не на балконе и даже не в подъезде – на улице. Зная Розина много лет, Крисп понимал, какая для того это жертва. Но ради жены и детей Розин действительно был готов пойти на все.

Крисп жил в такой же квартире, и дом был такой же, панельный из железобетонных конструкций. Таких одинаковых и, строго говоря, некрасивых домов в стране с каждым годом становилось все больше, но жилищная проблема менее острой не становилась. Число жителей увеличивалось, бесплатного жилья не хватало, на кооперативную квартиру потратиться могли себе позволить очень немногие. Да и кооперативных квартир тоже не хватало.

Розин стал возиться с чайником, Крисп его не торопил. Разговор предстоял трудный. Наконец Розин налил две чашки крепкого индийского чая, сел напротив Криспа и выжидательно на него посмотрел.

– Давай так, – сказал Крисп и пригубил горячий чай, – я тебе расскажу, что я знаю, а потом мы вместе решим, что будем делать дальше.

Розин не ответил.

– Твои жена и дети находятся у твоих знакомых музыкантов. Ни в какую Ялту они не уезжали. Ты их просто прячешь, из чего я делаю вывод, что тебя шантажируют. Вопрос: кто?

Розин как-то сразу обмяк, хлебнул чай и тяжело вздохнул.

– Конечно, я знал, что ты до всего докопаешься. Поэтому я всячески пытался не допустить тебя до этого дела, – сказал Розин и замолчал.

– Будем считать, что вступление закончено, – сказал Крисп. – Итак, что случилось?

– Вечером 2 июня мне позвонили домой, – начал свой рассказ Розин. – Кто – не знаю. Мужской голос. Сказал, что завтра меня вызовут на осмотр места самоубийства начальника военторга. Я должен сделать все быстро и закрыть дело. Меня уверили, что это действительно самоубийство, что никакого нарушения закона нет, мне необходимо только формально все обставить быстро и без лишней волокиты.

Розин взял паузу и снова отхлебнул чай.

– Понимаешь, – продолжил Розин, – до этого звонка я буквально час назад разговаривал с начальником военторга и сообщил ему, что по делу о хищениях я буду завтра выносить постановление о прекращении за отсутствием состава преступления. А тут мне сообщают, что он то ли покончил с собой, то ли собирается покончить с собой. Я хотел было возмутиться, но тот голос меня проинформировал, что мои жена и дети до момента окончания расследования будут под их постоянным наблюдением, поэтому мне не надо делать глупостей. Чтобы не было сомнений в их возможностях, голос мне рассказал, где я был последние полгода, что и как делал, вплоть до разговоров с моими друзьями, между прочим, в том числе с тобой. Где и что за эти полгода делали мои жена и дети. Голос также мне рассказал, что благодаря им жена и дети начальника военторга теперь в безопасности. Какая им опасность до этого грозила, я понятия не имел, да, честно говоря, и сейчас не имею.

– И ты в ту же ночь отправил жену и детей к знакомым, а всем сказал, что они уехали в Ялту, – сказал Крисп.

– Да. Я действовал быстро, – сказал Розин.

– Ты думаешь, те, кто тебе звонил, не следили за тобой? – спросил Крисп.

– Я слежки не заметил, – сказал Розин.

– Ну, хорошо, продолжай, – сказал Крисп.

– Собственно говоря, продолжать больше нечего, – сказал Розин. – Всю ночь я занимался переездом жены и детей, а когда под утро вернулся домой, раздался телефонный звонок, и меня вызвали на осмотр места происшествия – самоубийство начальника военторга. Дальше ты практически все знаешь.

– Нет, – сказал Крисп, – не все. Например, я не знаю, зачем ты привлек к делу экспертов из милиции.

– Это было указание того же голоса, – сказал Розин.

– Тебе потом еще звонили? – спросил Крисп.

– Нет, – ответил Розин. – Подробные инструкции были даны сразу: привлечь экспертов из Петровки, 38, быстро оформить дело о самоубийстве и все.

– Поэтому ты не стал перед экспертами ставить вопрос об отстреле оружия и дате смерти? – спросил Крисп.

– Ну да, – ответил Розин.

Крисп тоже отпил немного чая и спросил:

– Ну а меня зачем вызвал на место происшествия? Вряд ли это было указание голоса.

Розин слегка расслабился, усмехнулся и откинулся на спинку стула:

– Нет, такого указания не было. Ты же сам уже все понял. Меня поставили перед выбором, вернее, не оставили выбора, но этот выбор я оставил тебе.

– Весьма необычным образом оставил, – сказал Крисп.

– Извини, – сказал Розин, – как получилось. И потом, я не был уверен, что начальник военторга не покончил с собой.

– А сейчас? – спросил Крисп.

Розин облокотился на стол.

– Не знаю, – произнес он со вздохом. – Судя по всему, его убили. Причем убили уже тогда, когда мне звонили. Только доказательств этому нет и, видимо, не будет. Но самое главное – я не пойму зачем, и от этого мне по-настоящему страшно.

Розин сделал паузу и продолжил:

– Не за себя страшно. За детей. Я уязвим. Что делать, не знаю. К руководству идти боюсь, как минимум должностное злоупотребление с моей стороны налицо, да и откуда про меня столько информации – тоже вопрос. Времена изменились, сам знаешь. Кто за кого, кто за нас, кто против нас – ничего не поймешь.

– Твои дети и жена в безопасности, – сказал Крисп. – По крайней мере, на сейчас и до конца этого дела. Что касается всего остального, то тут ты прав. Ничего не понятно, и опасность действительно грозит. Но не жене и детям, а тебе, мне и, возможно, лейтенанту Петрову. Поэтому давай обсудим план действий.

Розин вздохнул и сказал:

– Точно жена и дети в безопасности?

Крисп вместо ответа подошел к тумбочке, где стоял телефон, набрал номер и передал трубку Розину.

– Лейтенант Петров, – бодро отрапортовал лейтенант Петров.

– Розин, – сказал Розин и встал. – Где мои жена и дети?

– Товарищ подполковник, все в порядке, – не менее бодро продолжал лейтенант Петров. – Жена и дети там, куда вы их доставили, их охраняют оперативники из милиции вместе с прикомандированными специалистами из особого отдела.

– Понятно, – сказал Розин. – А сам где?

– Здесь же, неподалеку. Товарищ капитан приказал быть поблизости и в случае чего немедленно ему сообщать обо всех изменениях.

– Понятно, – повторил Розин.

– Товарищ подполковник, – услышал из трубки отдаленный и приглушенный голос лейтенанта Петрова Крисп. – Товарищ капитан с вами?

– Со мной, – сказал Розин.

– Можно вас попросить передать ему трубку, – сказал лейтенант Петров.

Розин отдал телефонную трубку Криспу, а сам устало упал на стул.

– Слушаю, – сказал Крисп.

– Товарищ капитан, – быстро заговорил лейтенант Петров. – Не мог весь вечер до вас дозвониться. Вас разыскивает товарищ военный прокурор. Он мне приказал, как только я с вами свяжусь, чтобы вы обязательно ему перезвонили на службу. Сказал, что будет ждать звонка до позднего вечера.

– Хорошо, – сказал Крисп. – Сейчас позвоню, но думаю, что прокурор уже уехал. Как там обстановка?

– Все спокойно, – сказал лейтенант Петров.

– Должно быть спокойно, – сказал Крисп. – Но все равно будь начеку.

Крисп нарочно приказал подключить к операции одновременно и милиционеров, и особистов. Его расчет был очень прост: он не знает, кто из особистов или оперативников причастен к этому делу, но совершенно точно не все. Поэтому чем больше народу будет вовлечено

в операцию по охране жены и детей Розина, тем больше вероятность, что причастные к делу побоятся себя проявить. Теперь, и это Крисп хорошо понимал, под удар он поставил Розина, себя и лейтенанта Петрова. Проблема состояла только в том, что никто из них до конца не понимал, с чем они имеют дело. Поэтому опасность была скорее потенциальной, но все равно вполне реальной. Во-первых, те, кто за всем этим стоит, не знают, что они ничего не знают. И во-вторых, это они сейчас не знают, но завтра, может быть, все будут знать в лучшем виде. В-третьих, кажется, Крисп начал догадываться, в чем дело.

Эти мысли вихрем пронесли в голове Криспа, когда он набирал служебный телефон военного прокурора. Удивительно, но после первого звонка трубку снял ординарец военного прокурора.

– Капитан Крисп, – отрапортовал Крисп, и не успел он договорить, как услышал в ответ:

– Соединяю.

– Слушаю, – через секунду произнес глухой голос военного прокурора.

– Капитан...

– Вы где? – перебил военный прокурор.

– У подполковника Розина, – сказал Крисп.

– Я за вами пришлю машину, – сказал военный прокурор, но после паузы добавил: – Впрочем, это долго. Вызовите такси и приезжайте на службу. Деньги у вас есть?

– Так точно.

– Жду, – сказал военный прокурор и, видимо, уже хотел повесить трубку, но передумал и спросил:

– Как подполковник Розин?

– Лучше, – ответил Крисп.

– Передайте ему, чтобы был эти дни начеку, – сказал военный прокурор. – Возможны провокации.

– Передам, – сказал Крисп.

Военный прокурор дал отбой.

Крисп положил трубку на рычаг телефона и сказал:

– План нам обсуждать с тобой, дорогой товарищ подполковник, некогда. Наверное, слышал, что сказал военный прокурор.

– Слышал, – подтвердил Розин.

– От себя добавлю, запришь и к телефону не подходи. Я или лейтенант Петров приедем сами. Откроешь только нам. Оружие есть?

– Нет.

– Значит, просто не открывай.

– Думаешь, так все серьезно? – спросил Розин. – Пойдут на убийство?

– Они уже пошли на убийство, – ответил Крисп. – И не на одно. Если я правильно угадал, то они не остановятся ни перед чем.

– Кто – они?

– Если честно – не знаю, – ответил Крисп, открывая входную дверь и покидая квартиру Розина.

28 июня. 23:00

В кабинете военного прокурора было прохладно, все окна были открыты настежь. Военный прокурор сидел за столом в одной рубашке, китель висел у него за спиной на спинке кресла.

Едва Крисп вошел в кабинет, военный прокурор указал ему на стул напротив себя. Чая не предложил, за что Крисп был ему признателен – он и так выпил много жидкости сегодня вечером, в животе уже булькало.

– Извини, что сегодня утром заставил тебя импровизировать, мне важно было выиграть время. Товарищи из разных главков нагрянули неожиданно, так что я сам был вынужден на ходу ориентироваться, – сказал военный прокурор. – Кто они конкретно, не столь важно. Важно, что все как один заинтересованы в скорейшем закрытии дела о самоубийстве начальника военторга. И еще важно, что некоторые из них представляют интересы не столько государственных, сколько не государственных кооперативных лиц – нового слоя партийных функционеров а-ля коммунист Тарасов, заплативший, как ты, наверное, слышал, партийные взносы с миллиона рублей дохода.

– Слышал, – решил вставить свое слово в монолог военного прокурора Крисп.

Он, как и все в то время, был наслышан об истории коммуниста новой формации Тарасова, который, сколотив кооператив, путем нескольких нехитрых комбинаций с куплей и перепродажей товаров массового спроса сумел быстро заработать огромные деньги и заплатил с них официально партийные взносы. Как эта его деятельность укладывалась в действующую статью Уголовного кодекса о спекуляции и недействующую норму об отмывании преступным образом добытых средств, наглядно пояснил руководитель коммунистической партии и страны Михаил Сергеевич Горбачев, который сказал: «Это хороший пример для других».

– Ты рядом с разгадкой, – сказал военный прокурор. – После столь неожиданного визита дорогих гостей, «дорогих» в данном случае я говорю применительно к их высоким постам в партийном, государственном, московском и военном руководстве, я направился к Главному военному прокурору. Ты человек опытный и понимаешь, что нам самостоятельностью заниматься не пристало. Мы должны отстаивать государственные интересы и быть вместе с партией и народом.

– Понимаю, – сказал Крисп.

Военный прокурор внимательно на него посмотрел и сказал:

– Я сейчас не на собрании, и то, что я говорю, – это не лозунги. Чтобы тебе было совсем понятно, скажу по-другому. Военная прокуратура не может идти вразрез с линией партии и руководителя государства.

– Понимаю, – повторил Крисп.

Военный прокурор вновь взял паузу и завершил свою мысль:

– Даже если эта линия не укладывается в рамки действующего закона.

На этот раз Крисп промолчал.

Военный прокурор встал и прошелся по кабинету. Крисп продолжал сидеть и ждал.

– Главный военный прокурор, – начал медленно говорить военный прокурор, – считает, что это дело невозможно спустить на тормозах.

Военный прокурор остановился и посмотрел на Криспа.

– Очевидно, что здесь столкнулись интересы людей партийных в привычном для нас понимании и людей партийных в не совсем привычном для нас понимании, – продолжил также медленно говорить военный прокурор. – Главный военный прокурор и я считаем, что в данном конкретном случае закон на нашей стороне. И не те люди, которые были сегодня здесь в кабинете, должны определять политику партии и правительства. Что скажешь?

Крисп не стал сразу отвечать. Выдержав минуту и прямой взгляд военного прокурора, он сказал:

– Товарищ военный прокурор, я не знаю, кто эти люди, двоих из них я видел, когда приехал осматривать место самоубийства начальника военторга.

– Вот как? – слегка удивился военный прокурор и добавил: – Впрочем, это понятно.

– Да, – согласился Крисп и продолжил: – Они с самого начала пытаются все контролировать. До самого последнего момента начальника военторга они тоже контролировали, благо было на чем: две семьи, левый, пусть и не большой, приработок, пересортица и все такое. Ну, для нашей торговли дело обычное.

– Так-так, – поторопил Криспа военный прокурор.

– Но в какой-то момент начальник военторга неожиданно стал сопротивляться, – продолжил Крисп. – Думаю, вышел на высшее политическое руководство страны. Почему он пошел против своих вчерашних компаньонов (вряд ли они были для него друзьями), я не знаю. Но думаю, как это, может быть, ни странно звучит, он был человеком честным – прошел фронт, послевоенные мытарства. Мне кажется, что эти две семьи – как бы наверстывание за голодную юность и голодные, но полные бесконечной работы зрелые годы. Ведь впервые он женился, когда ему было хорошо за тридцать.

– Ну-ну, – уже не торопил, но проявлял живой интерес военный прокурор.

– Он действительно наладил работу военторга, и, думаю, возбужденное против него уголовное дело было как раз средством давления на него, чтобы решить ту задачу, которую они все перед собой поставили.

– И начальник военторга тоже эту задачу решал? – уточнил военный прокурор.

– Да, – ответил Крисп. – Только он потом передумал. А эти чиновники и генералы решили его в таком случае отодвинуть. Но только начальник военторга – бывший фронтовик. И он не испугался. Больше того, он прекрасно со всем справился. Розин мне это подтвердил. Дело ведь прекратили.

– Прекратили, – подтвердил военный прокурор и добавил: – Скажу тебе больше, его по партийной линии пытались, что называется, «вздручить», но и здесь ничего не вышло.

– Ну вот, – немного отдышался Крисп. – Везде он вроде как выиграл, но кто-то из тех, кто его поддержал в его борьбе, в последний момент его же и продал. Так что жду ваших указаний, товарищ военный прокурор.

– Каких? – удивился военный прокурор.

– Что делать дальше, – сказал Крисп. – Вряд ли нам удастся кого-то из виновников всего произошедшего привлечь к ответственности, я уже не говорю, что вряд ли нам удастся собрать против них доказательства их виновности. Ведь все делалось не их руками.

Крисп замолчал. Военный прокурор тоже молчал. Он еще раз прошелся по кабинету и сел напротив Криспа.

– Ты хочешь сказать, что знаешь, за что убили начальника военторга? – спросил военный прокурор.

– Есть одна версия, но мне надо буквально день-два для ее отработки, – сказал Крисп.

– Может быть, знаешь, кто убил? – спросил военный прокурор.

– Во всяком случае, не те, кто у вас был сегодня утром, – сказал Крисп и добавил: – Хотя, думаю, без подстрекательств с их стороны не обошлось.

– Но доказательств нет? – спросил военный прокурор.

– И боюсь, не будет, – сказал Крисп.

– Вот что, – после небольшой паузы произнес военный прокурор, – мы с тобой все поняли, а это уже почти победа. За нами военная прокуратура. И потом – мы с тобой офицеры, а это что-нибудь да значит. Поэтому будем делать следующее.

Военный прокурор встал, зашел за рабочий стол и сел в кресло.

– Будем делать следующее, – повторил военный прокурор. – Будем поступать по закону.

Крисп встал и сказал:

– Товарищ военный прокурор, разрешите обратиться.

– Валяй, – ответил военный прокурор.

– Вы думаете, мы сможем их победить?

Военный прокурор задумался.

– Не знаю, – ответил военный прокурор спустя минуту. – Но я не хочу, чтобы когда-нибудь мне стало стыдно, что я даже не попытался что-то сделать. Завтра жду с докладом.

– Есть, – ответил Крисп и пошел к двери.

– Товарищ капитан, – окликнул его военный прокурор.

Крисп остановился. Военный прокурор внимательно на него посмотрел и сказал:

– Будь аккуратен.

29 июня. 01:00

Крисп на такси доехал до начала Битцевского лесопарка.

«Еще один такой день, – подумал он, расплачиваясь с водителем, – и мне надо будет искать, у кого занимать деньги до зарплаты».

Отпустив машину, Крисп огляделся. На улице никого не было. Он посмотрел на часы – час ночи.

«Однако, пора в койку, а то завтра не встану, – скомандовал себе Крисп и сам мысленно себя поправил: – Не завтра, а сегодня. Надо хотя бы часа четыре поспать».

С этими мыслями Крисп направился к подъезду. Но не успел он сделать десяти шагов, как из-за дерева вышли двое.

«Дежавю», – подумал Крисп, оглядываясь на остановку, рядом с которой его высадил таксист.

Пока двое шли в его сторону, Крисп, еще толком не разглядев их, уже знал, кто это.

– Не спится? – громко спросил Крисп.

– Успнешь тут с тобой, – сказал Сергей.

Немного позади него стоял Андрей. У обоих в руках были пистолеты. Крисп не был знатоком оружия, несмотря на то что много лет прослужил в военной прокуратуре. Закрепленное за ним табельное оружие он никогда в руках не держал и даже толком не знал, где именно оно хранится. Понятно, что в оружейной комнате, но как-то его не слишком интересовало, где эта комната находится. Единственной проблемой было – это обязательные стрельбы, от которых Крисп всеми правдами и неправдами увиливал. За бутылку молдавского коньяка «Белый аист», естественно. Была еще проблема сдачи оружия, когда Крисп переезжал из одного гарнизона в другой, но и эта проблема решалась за бутылку коньяка с тем же названием. Тем не менее Крисп понял, что у экспертов в руках не пистолеты Макарова. «Скорее всего, ТТ», – подумал Крисп, хотя точно и не знал. «Может, вообще трофейные с войны», – еще подумал Крисп, одновременно осознавая, какие дурацкие мысли ему сейчас лезут в голову.

– И что? – пытаюсь унять дрожь в коленках, спросил Крисп. – Прямо будете стрелять?

– А ты нам оставил выбор? – спросил Сергей.

Андрей, как и в кафе, отмалчивался. Но пистолет держал наизготове.

– Убить следователя военной прокуратуры, это вам с рук не сойдет, – сказал Крисп.

– Так и так не сойдет, – сказал Сергей и поправил свободной рукой очки.

Андрей с удивлением посмотрел на Сергея. И тут Крисп все понял.

– Андрей, – обратился Крисп к эксперту, – ты же ведь здесь ни при чем. Зачем ты с ним? Ты же никого не убивал.

– В смысле, не убивал, – пробормотал Андрей. – Никто никого не убивал.

– Так ты не в курсе, – сказал Крисп.

– Не в курсе чего? – спросил Андрей.

– Что твой приятель замочил начальника военторга, – сказал Крисп.

– В смысле? – спросил Андрей.

В дело вступил Сергей.

– Заткнись, – сказал Сергей Криспу.

– Сергей, – обратился Андрей к приятелю, – что он говорит? Мы же хотим его попугать и все. Верно? Чтобы не выпендривался.

– Ну, конечно, – сказал Крисп. – Андрей! Твой приятель убийца. Причем наемный.

– Что он говорит? – спросил Андрей у Сергея.

– Правду, – сказал Крисп. – Он тебя заставил стирать отпечатки пальцев на месте самоубийства начальника военторга, заплатил денег после того, как вы провели махинации с экспертизами, а ты подумал, что я вас на этом подловил? И собираюсь пожаловаться вашему начальству? Все гораздо хуже.

– Заткнись, – процедил Сергей.

– А теперь он тебя повяжет кровью, – не унимался Крисп, понимая, что это его единственный шанс. – А начальника военторга Сергей убил еще вечером, поэтому с датами он тебя заставил мухлевать. А потом утром как ни в чем не бывало приехал на осмотр места происшествия и рассказал тебе сказку о том, что надо постоять за честь мундира офицера, который накуролесил, после чего застрелился. Затем подговорил тебя, когда я к вам заявился, что, раз так получилось со стертыми отпечатками пальцев, надо меня запутать и создать видимость, что дело о самоубийстве на самом деле может быть делом об убийстве. Пока я там разберусь, что к чему, глядишь, все и рассосется. Молодец, Сергей! Как говорится, лучше всего прятать на самом видном месте.

– Сергей, – обратился Андрей к Сергею, – ты же не убивал его? Это же было самоубийство?

Сергей молчал. Вопреки сомнениям Андрей продолжал целиться в Криспа.

– Я даже могу рассказать, как он это сделал, – обратился Крисп напрямую к Андрею.

– Не интересно, – произнес Сергей.

– Сергей, – вновь обратился к Сергею Андрей.

– Что? – вопросительно ответил тот и тяжело вздохнул. – Видишь ли, брат. По-другому нельзя было. Нельзя, поверь. Ты от меня деньги не хилые получил. Ну неужели ты думаешь, что это за стертые отпечатки пальцев. Брат, ну ты совсем дурачок?

– Что ты говоришь? – спросил Андрей, но пистолет не опустил.

– Я говорю, что у нас с тобой нет выбора, – сказал Сергей. – У нас с тобой одна судьба, ведь так? И если этого сейчас уберем, то все будет по-прежнему, и даже лучше. Поедешь со своей Светланой в Крым, и не только в Крым. Все будет у тебя хорошо. И у меня.

– Что ты говоришь, – пролепетал Андрей.

– Говорю, что валить его надо, а потом отсюда валить. У нас с тобой алиби. Мы сейчас сидим в кафе в центре Москвы, и у нас десять свидетелей. А этого следака убили пьяные подростки, которые в лесу что-то там делали, копались в земле, и пистолеты эти паленые там, скорее всего, и нашли.

– Паленые? – спросил Крисп только для того, чтобы что-то спросить. Он понял, что шансов нет. Андрея с Сергеем, видимо, связывали какие-то делишки, и Андрей против Сергея не пойдет. А тот сейчас повяжет его кровью. Его кровью, кровью Криспа.

– Ну да, – спокойно сказал Сергей. – Из них уже шмаляли. Пока никого не убили, но ранили. Так что настоящих твоих убийц скоро найдут, не переживай.

Последние слова были адресованы Криспу.

Сергей поднял руку с пистолетом в сторону Криспа и сказал Андрею:

– Стреляй первый.

Андрей тоже поднял руку с пистолетом. Крисп успел подумать: «Ну вот и все».

Раздались два хлопка.

Крисп ничего не почувствовал. Он открыл глаза. Оказалось, что с испугу он их закрыл. Он увидел, как медленно падает Сергей, из руки которого также медленно выпадает пистолет.

Его разбитые очки медленно отлетали в сторону, а из пробитого пулей правого глаза медленно вытекала густо-красная жидкость. В следующее мгновение Крисп понял, что сейчас произойдет непоправимое. Время, которое, казалось, текло медленно, словно холодное молоко в стакан, неожиданно ускорилось до скорости света.

– Не-е-ет! – закричал Крисп, бросаясь к Андрею, который опускал пистолет, широко раскрытыми глазами удивленно глядя на Сергея.

Но в этот момент прозвучали еще два хлопка, и Андрей рухнул как подкошенный навзничь.

Крисп остановился и обернулся. За его спиной стоял человек с опущенным пистолетом, из ствола которого вился дымок. Ствол был большой и длинный. Крисп такого раньше никогда не видел. Только потом Криспу сказали, что это называется – глушитель. Крисп поднял глаза на лицо человека и узнал его. Это был прикомандированный к Петровке, 38, Петр Гаврилович, которого он видел в буфете, когда обедал теперь уже с покойными Сергеем и Андреем.

– С днем рождения, – сказал Петр Гаврилович.

29 июня

Только к обеду суэта вокруг покушения на Криспа немного улеглась.

Несмотря на то что была суббота, Криспа допросили в Главной военной прокуратуре, он побеседовал сначала с военным прокурором Московского гарнизона, а потом вместе с ним с Главным военным прокурором.

В общем и целом, картина получилась следующая. Крисп, сам того не желая, перепугал Сергея, который решил, что у Криспа есть какие-то козыри в рукаве. Сергей действительно убил начальника военторга, очень умело создав видимость самоубийства. Со стертymi отпечатками пальцев перемудрил, по-видимому, очень торопился. Андрея Сергей до последнего момента держал в неведении. Точнее говоря, он не посвятил его до конца в свои планы. Рассказал, что начальник военторга с бабами крутил, что одна из жен известного офицера с ним флиртовала, что в конце концов начальник военторга запутался и застрелился. И, чтобы все это не всплыло наружу, надо на всякий случай все тщательно протереть платочком. Увы, но, скорее всего, махинациями на месте происшествия, подстраивая под выгодную версию события преступления (возможно, по наводке оперативников или еще кого), Андрей и Сергей занимались не впервые. Ведь в СССР всегда были самые высокие показатели раскрываемости преступности во всем мире. Как говорится, не только в области балета мы были впереди планеты всей.

– Как ты догадался, что Сергей убил начальника военторга? – спросил Главный военный прокурор.

Его кабинет на Оболенском переулке (между улицей Льва Толстого и переулком Хользунова) был скромный, без изысков, как большинство таких кабинетов советских руководителей разного уровня. Криспу приходилось бывать в разных кабинетах, один раз даже в кабинете у одного министра, и везде все примерно было обставлено в таком же стандартизированном виде: относительно большой стол руководителя на самой дальней стороне кабинета, рядом с ним приставной стол для разговора с посетителем, справа или слева большой стол для проведения совещаний. Собственно говоря, у военного прокурора Московского гарнизона кабинет был обставлен так же.

– Это было лишь предположение, – ответил Крисп. – Во время вскрытия трупа начальника военторга патологоанатом сказал, что у того были очень хорошие зубы, очень острые, буквально как лезвие бритвы. Так сказал патологоанатом. А я, когда был на Петровке, 38, у экспертов, заметил, что у Сергея один палец заклеен лейкопластырем. А поскольку начальник военторга застрелился, засунув себе пистолет в рот, то я подумал, что если он этого не делал, то убийца, который насильно вставлял ему пистолет в рот, запросто мог пораниться. Кстати,

во время осмотра места происшествия я на этот раненый палец внимания не обратил. Так что, тоже прокололся.

«Опять скаламбурил, – подумал Крисп. – Убийца проколол палец, а я прокололся».

– Что-то я не могу себе представить, что начальник военторга так вот легко позволил себе вставить пистолет в рот, – засомневался Главный военный прокурор.

– Конечно, – согласился Крисп, – но он был под воздействием одурманивающих средств. Патологоанатом говорил, что он хорошо поел и выпил. Я думаю, что ему что-то подсыпали в бокал вина.

– Но ведь при вскрытии этого не обнаружили? – спросил Главный военный прокурор.

– Потому что такой вопрос никто перед экспертом не поставил, – возразил Крисп.

– А кто его не поставил? – с небольшим нажимом спросил Главный военный прокурор.

Крисп замолчал.

– Розин, – ответил за него военный прокурор Московского гарнизона.

– Розин, – повторил Главный военный прокурор, – которого шантажировали неизвестные, угрожая его детям.

– Теперь эти неизвестные известны, – сказал военный прокурор Московского гарнизона.

– Да, – подтвердил Главный военный прокурор. – Скорее всего, это криминалисты Андрей и Сергей. Кстати, что с семьей Розина?

– Все в порядке, – ответил военный прокурор Московского гарнизона. – Как только капитан Крисп доложил мне о своих догадках по поводу шантажа подполковника Розина, мы совместно с особым отделом и оперативниками из МВД предприняли шаги по обеспечению безопасности детей и жены Розина. Розин об этом не знал, поскольку было важно, чтобы шантажисты не догадались о том, что мы знаем об их планах. В настоящее время и жена, и дети Розина дома. Семья, как говорится, в сборе.

– М-да, – после паузы сказал Главный военный прокурор. – Плохо, что Розин нам сразу не доложил о том, что произошло. Очень плохо.

– Его понять можно, – сказал военный прокурор Московского гарнизона. – Семья.

– Может быть, и можно, – сказал Главный военный прокурор, – но только после результатов служебной проверки.

Крисп понял, что не только должность под Розиним сильно зашаталась, но и его дальнейшее пребывание в военной прокуратуре только что было поставлено под большое сомнение. Точнее, наоборот, его увольнение стало очень даже определенным.

«Легко судить, когда тебя это не касается, – подумал Крисп. – Как бы повели себя и военный прокурор Московского гарнизона, и Главный военный прокурор, если бы они оказались в такой же ситуации, в которой оказался Розин?»

«Впрочем, в их нынешнем должностном статусе они не могут оказаться в таком положении, – продолжал размышлять Крисп и тут же, сам себе противореча, задал себе другой вопрос: – Но кто мог даже всего несколько лет назад представить себе, что прокурора отдела военной прокуратуры кто-то посмеет шантажировать?!»

– Давайте это дело завершать, – сказал Главный военный прокурор. – Что осталось сделать?

– Остался не выяснен мотив убийства, товарищ генерал, – сказал Крисп. – К сожалению, допросить ни Сергея, ни, главное, Андрея теперь уже не удастся.

– Ну-ну, – сказал Главный военный прокурор. – Ты еще попеняй особисту, что он тебе жизнь спас. А почему ты про Андрея особенно отметил?

– Я думаю, что он не был втянут в это дело. Участвовал, так сказать, в сокрытии улик, но не более того. А потому с его помощью мы могли бы выйти на круг знакомых Сергея. Сергей, как мне кажется, настолько глубоко был во все это повязан, что, даже если бы мы его арестовали, ничего нам бы не сказал.

– Ты на что намекаешь? – сурово спросил Главный военный прокурор.

– У капитана Криспа версия, – вступил в разговор военный прокурор Московского гарнизона, – что в этом деле замешана целая криминальная организация, и я его поддерживаю. Про визит ко мне группы чиновников и работников партийного аппарата я вам докладывал.

– Докладывал, – подтвердил Главный военный прокурор. – Вы со своими версиями поаккуратнее. А то еще немного – и мафию мне тут найдете.

– Что понимать под мафией, – не выдержав, ляпнул Крисп.

– Товарищ капитан! – повысил голос Главный военный прокурор.

Крисп встал.

– Садитесь, – сказал Главный военный прокурор. – Мы с вами боремся с нарушениями закона, и для нас неприкасаемых нет. Но это не означает, что мы бездумно начнем хватать и сажать всех подряд. Чем все это заканчивается, не мне вам напоминать. Вон до сих пор дела о реабилитации 1930-х годов рассматриваем.

Главный военный прокурор встал и прошелся по кабинету.

«Прямо как военный прокурор Московского гарнизона, – подумал Крисп, – стереотип поведения».

– Вы еще молоды, капитан, – сказал Главный военный прокурор, обращаясь к Криспу. – Наша система не идеальна, в отличие от целей, которые мы перед собой ставим. Но я убежден, что партия и коммунисты – вот та цементирующая основа, которая всегда будет в основе стабильности нашего общества. Не будет партии, все посыплется как карточный домик. Конечно, среди членов партии полно карьеристов, но большинство – настоящие идейные товарищи, не считите за пропаганду. Тем более что мне здесь некого и незачем в чем-то убеждать. Я говорю, что думаю, и не считаю то, что сейчас происходит вокруг партии, правильным. Демократии не хватает? Кто это придумал? Интересно, где и в какой стране любой коммунист, член партии может беспрепятственно войти в центральный аппарат партии безо всякого пропуска, показав только свой партийный билет.

Главный военный прокурор умолк. Затем после небольшой паузы сказал:

– Так что поаккуратнее там со своей мафией.

Наступило молчание.

– Капитан Крисп подал заявление на вступление в партию, – сказал военный прокурор Московского гарнизона.

– Вот как? – то ли удивился, то ли не удивился Главный военный прокурор.

Крисп знал, что о таких вещах военный прокурор обязан был докладывать на самый верх. Впрочем, сейчас времена стремительно менялись. Руководитель государства, и он же руководитель партии едва ли не в каждом своем выступлении говорил, что партия «закостенела» и нужны реформы. Его реформы во всех остальных областях уже привели к разброду и шатанию в союзных республиках и катастрофическому падению экономики. Как сказал один из членов партии (видимо, как раз из тех самых «закостенелых») – наша реформа похожа на самолет, который взлетел и теперь не знает, ни куда он летит, ни где и когда будет посадка.

– Итак, – вновь заговорил Главный военный прокурор. – Что планируете предпринять для завершения дела?

Крисп попытался было встать, но Главный военный прокурор приказал:

– Сидите. Докладывайте.

– Товарищ генерал, – начал Крисп, – как я уже сказал, необходимо постараться установить мотив убийства начальника военторга. Если мы узнаем, почему его убили, возможно, удастся установить других лиц, причастных к этому преступлению.

– Думаете, были другие? – спросил Главный военный прокурор.

– Должны были быть, – сказал Крисп. – Иначе не понятно, зачем было его вообще убивать.

– У капитана Криспа есть версия, – вновь напомнил военный прокурор Московского гарнизона, но теперь завершил то, что хотел сказать чуть раньше. – У него есть версия, что убийство начальника военторга не связано с его непосредственной деятельностью.

– Вот как? – сказал Главный военный прокурор. – А с чем же оно связано?

– С его местом пребывания, – ответил Крисп. – Но, товарищ генерал, прежде чем что-то конкретное докладывать, мне необходимо уточнить несколько фактов.

– Темните, – сказал Главный военный прокурор и после паузы добавил: – Хорошо, действуйте. Кого-то в помощь дополнительно себе возьмете?

Крисп хотел ответить, но Главный военный прокурор его предупредил:

– Розин под служебной проверкой.

– В таком случае обойдемся теми силами, что есть, – сказал Крисп.

– Я думаю, товарищ генерал, – снова вступил в разговор военный прокурор Московского гарнизона, – нам не следует посвящать в детали этого дела новых лиц.

– Согласен, – сказал Главный военный прокурор и обратился к военному прокурору Московского гарнизона: – О каждом новом факте, который станет известен, докладывать лично мне. И незамедлительно! На все про все даю вам срок – неделю.

Военный прокурор Московского гарнизона и Крисп встали, попрощались с Главным военным прокурором за руку и пошли к выходу из кабинета.

– Товарищ капитан, – окликнул Криспа, который был уже возле двери, Главный военный прокурор, – ты osobисту, своему ангелу-спасителю, бутылку коньяка поставишь?

– Обязательно, – улыбнувшись, ответил Крисп. – Его зовут Свищев Петр Гаврилович. Не бутылку. Ящик коньяка. Прямо в самый последний момент появился. Откуда только взялся.

– Откуда, – усмехнулся военный прокурор Московского гарнизона.

Крисп посмотрел на него, на улыбающегося Главного военного прокурора и все понял. К нему приставили охрану, которую он принял за слежку. И лейтенанта Петрова тоже охраняли. Крисп улыбнулся и сказал:

– Тогда и вам по ящику коньяка!

– Не хами, – шутливо погрозил ему в ответ пальцем Главный военный прокурор, продолжая при этом улыбаться, и строго произнес: – Неделя!

8 июля. 9:00

– Понедельник, говорят, не самый лучший день для начала дела, – сказал военный прокурор Московского гарнизона, усаживаясь за свой рабочий стол.

В отличие от кабинета Главного военного прокурора, приставной стол к рабочему столу у него был большой, и все рабочие совещания проходили за ним, а военный прокурор оставался на своем рабочем месте. Стол же для совещаний был, наоборот, небольшой и использовался главным образом для чаепития с гостями.

В кабинете военного прокурора Московского гарнизона находились Крисп, лейтенант Петров, подполковник Розин.

– Но мы же не начинаем, а завершаем, – пошутил Крисп.

– Надеюсь, – в тон ему ответил военный прокурор и спросил: – Все готово?

– Так точно, – ответил лейтенант Петров и хотел доложить какие-то подробности, но в этот момент дверь кабинета приоткрылась и на пороге появился ординарец.

– Прибыл из особого отдела майор Свищев.

– Пусть заходит, мы его ждем, – сказал военный прокурор.

«Интересно, – подумал Крисп, – какая по счету у него фамилия Свищев?»

Крисп знал, что у особистов существуют настоящие и вымышленные так называемые легендированные имена, и этих имен большое число.

В кабинет вошел спаситель Криспа Петр Гаврилович Свищев.

– Проходите, – встав из-за стола, приветствовал его военный прокурор, поздоровавшись с ним за руку, впрочем, как и со всеми присутствующими до этого. – Ждали только вас.

– Извините, – сказал Свищев. – Исполнял ваше поручение, товарищ полковник.

– Да, знаю, – ответил военный прокурор и вновь занял свое место за рабочим столом. – Прошу майора Свищева устно доложить об итогах исполнения поручения. Сидя. У нас с вами рабочее совещание.

– По вашему поручению, товарищ полковник, и по согласованию с моим руководством мы провели оперативную разработку подозреваемого и установили, как вы и предположили, наличие у него заграничного паспорта и необходимых документов на выезд из страны, – доложил майор Свищев.

– Предположил не я, а капитан Крисп, которому вы спасли жизнь, – сказал военный прокурор. – Кстати, он вам ящик коньяка поставил? Главному военному прокурору обещал.

– Привез, – улыбувшись, ответил Свищев, – хотя это лишнее.

– Ничего-ничего, – сказал военный прокурор. – Обещал, пусть выполняет.

В это время дверь в кабинет вновь приоткрылась и на пороге возник ординарец.

– Прибыл начальник КЭЧ Московского гарнизона.

– Пусть заходит, – приказал военный прокурор.

В кабинет вошел статный генерал с седыми висками, тот самый, которого Крисп видел, когда приехал на место осмотра теперь уже совершенно точно убийства начальника военторга. Того самого генерала, кто был на месте происшествия и не приехал к военному прокурору требовать скорейшего завершения расследования мнимого самоубийства, поручив это неблагодарное дело своим сослуживцам, а также, по-видимому, близким знакомым из сфер, приближенных к политической элите.

Начальник КЭЧ вошел в кабинет и остановился, с удивлением оглядывая присутствующих.

– Проходите, присаживайтесь, – обратился к нему военный прокурор, вставая из-за стола и здороваясь с вновь пришедшим за руку.

– Куда присаживаться? – растерянно спросил начальник КЭЧ.

– За стол, – ответил военный прокурор. – Вот хотя бы рядом с подполковником Розиним. Вы ведь с ним знакомы?

– Знаком, – также растерянно ответил начальник КЭЧ.

Крисп, как и многие в военной прокуратуре, с некоторым недоверием относился к Квартирно-эксплуатационной части, сокращенно КЭЧ. КЭЧ занималась обеспечением военнослужащих служебными квартирами, и в ее ведении находились многие вопросы бытового характера настолько же мелкие, насколько необходимые. В том числе КЭЧ занималась распределением служебного жилья для военнослужащих, ремонтом и строительством как жилья, так и военных объектов, контролем за правильным использованием земельных участков, закрепленных за Министерством обороны (а таких было немало, с учетом не только санаториев, но и военных полигонов), обеспечением воинских частей материалами для эксплуатации военных объектов. Кроме того, КЭЧ занималась капитальным и текущим ремонтом, обеспечением воинских частей топливом, финансированием квартирно-эксплуатационных расходов воинских частей, подготовкой заключений по ходатайствам командиров воинских частей о выдаче инспекторских свидетельств на списание преждевременно изношенных и утраченных материальных ценностей квартирно-эксплуатационной службы. Формально КЭЧ была воинской частью со всеми полагающимися атрибутами, включая номер части и т. д. Но эта воинская часть была очень своеобразной. Начальник КЭЧ имел право назначать и проводить проверки, давать указания командирам других воинских частей по вопросам технической эксплуатации, сохранности, содержания и сбережения казарменно-жилищного фонда и других комму-

нальных сооружений, сохранности оборудования фонда и сооружений, квартирного имущества, а также проверять исполнение таких поручений. Понятно, что многие командиры сильно зависели от начальника КЭЧ и всячески старались иметь с ним хорошие, если не дружеские отношения. При этом начальник КЭЧ Московского гарнизона был близок к командующему округом, а также, в отличие от многих других военных начальников, имел деловые связи в исполнительном комитете Москвы. Другими словами, считался своим в кругу очень влиятельных политических деятелей Советского Союза. Ведь председатель исполкома Москвы входил по должности в Политбюро.

Подчинялся начальник КЭЧ Московского гарнизона непосредственно начальнику Главного квартирно-эксплуатационного управления Вооруженных Сил СССР, поэтому имел звание генерала, хотя должность рядового начальника КЭЧ соответствовала всего лишь воинскому званию майора.

Крисп жил в квартире родителей, которая никакого отношения к КЭЧ не имела. В этом смысле он был от КЭЧ совершенно независим. Но абсолютное большинство военнослужащих, особенно офицерского состава, в бытовых и жилищных вопросах целиком и полностью находились, что называется, под КЭЧ. С одной стороны, звучит странно, поскольку военный прокурор мог назначить проверку начальнику КЭЧ со всеми вытекающими отсюда последствиями (всегда найдутся недостатки, недочеты, а если хорошо поискать, то и незначительные злоупотребления), но, с другой стороны, у начальника КЭЧ по всем вышеизложенным причинам (все хотели иметь жилье, все хотели, чтобы их объекты были должным образом отремонтированы, все хотели, чтобы их бытовое обслуживание было на высоте) всегда были очень влиятельные покровители, и проверка военного прокурора могла бумерангом отразиться на нем самом и на военной прокуратуре.

– Итак, – продолжил военный прокурор, – не догадываетесь, по какому вопросу вас пригласили?

– Нет, – все так же напряженно, но уже начиная приходить в себя, ответил начальник КЭЧ.

– По поводу убийства начальника военторга, – сказал военный прокурор.

– Убийства? – опять растерялся начальник КЭЧ.

– Убийства, – подтвердил военный прокурор. – Но об этом после. Скажите, пожалуйста, что вам известно о людях, шантажировавших подполковника Главной военной прокуратуры Розина?

Начальник КЭЧ с ужасом поглядел на военного прокурора, потом перевел взгляд на Розина, с которым сидел рядом, и заявил:

– Товарищ полковник! Потрудитесь объясниться! Что происходит? Это допрос?

Военный прокурор слегка усмехнулся и сказал:

– Нет. Это не допрос. Пока что это беседа. Но будет и допрос, не сомневайтесь.

– Я никого не шантажировал, – едва не крикнул начальник КЭЧ.

– Вы – нет, – сказал военный прокурор. – А кто? Кто по вашему указанию шантажировал Розина и угрожал его семье?

– Что вы себе позволяете! – вскочил на ноги начальник КЭЧ. – Я буду жаловаться.

Розин напряженно взидал на происходящее.

– Разумеется, – спокойно сказал военный прокурор. – Тем более что ваш непосредственный начальник уже был у меня. Расспрашивал про смерть начальника военторга. Не по вашему ли наущению? Это ведь легко проверить, не так ли?

При этих словах военный прокурор снял трубку телефона и взял многозначительную ту самую «мхатовскую» паузу.

В этот момент Крисп понял, кто был у военного прокурора, когда тот так неожиданно его вызвал и так умело не дал ему ничего сказать по делу о якобы самоубийстве начальника

военторга. Это был начальник Главного квартирно-эксплуатационного управления Вооруженных Сил СССР.

«А я-то подумал, что главный в этом деле начальник КЭЧ, – с досадой на себя подумал Крисп. – О, нет. Все намного серьезнее».

Начальник КЭЧ тяжело сел на стул и облокотился на стол. Военный прокурор положил телефонную трубку обратно на аппарат. Наступило молчание.

– Я никого не шантажировал, – тихо произнес начальник КЭЧ. – Я только хотел, чтобы эта история с самоубийством начальника военторга побыстрее закончилась.

– Ну да, – сказал военный прокурор. – Поэтому те, кому вы приказали, стали названивать подполковнику Розину и угрожать расправой его детям.

– Я таких указаний не давал, – сказал начальник КЭЧ.

– Экссесс исполнителя? – спросил военный прокурор. – Вы всего лишь хотели, чтобы Розин был, так сказать, под вашим контролем? Понимаю. А кто передавал Розину указания, что делать, а что не делать по делу о самоубийстве?

Начальник КЭЧ посмотрел на военного прокурора и усмехнулся.

В этот момент Розин неожиданно схватил начальника КЭЧ за горло, поднял во весь рост, и они оба полетели на пол. Разнимать дерущихся кинулись лейтенант Петров и майор Свищев. Крисп тоже вскочил на ноги, но не успел принять участия в драке, поскольку в это время дверь кабинета распахнулась и в нее влетели дежурные офицеры и солдаты. Розина и начальника КЭЧ оттащили в разные стороны.

– Подполковник Розин, – приказал военный прокурор, – отправляйтесь домой. Приказываю вам из дома никуда не отлучаться.

Розин, тяжело дыша и злобно глядя на начальника КЭЧ, направился в сторону двери.

Майор Свищев, лейтенант Петров и начальник КЭЧ стояли и пытались отдышаться. Крисп оказался немного ближе других к военному прокурору, который тоже, как оказалось, был на ногах.

– Ты мне чуть портупею не порвал, – беззлобно заявил майор Свищев, обращаясь к лейтенанту Петрову.

Тот смущенно развел руками.

– Портупею чуть не порвал, а вот форменную рубашку порвал, – усмехнулся военный прокурор.

Свищев оглядел себя и увидел надорванный нагрудный карман.

– Вот черт, – непроизвольно выругался он и посмотрел на лейтенанта Петрова.

Лейтенант Петров прикусил губу.

– Ничего страшного, – сказал военный прокурор, – у меня в машине всегда есть запасная. Мы с вами, я думаю, примерно одной комплекции. Я сейчас дам команду, идите переодеваться в кабинете вместе с лейтенантом Петровым.

С этими словами военный прокурор снял телефонную трубку и дал короткие указания ординарцу.

– Идите вместе с майором в кабинет капитана Криспа, – сказал военный прокурор лейтенанту Петрову, – помогите ему переодеться.

– Искушайте вину, – добавил военный прокурор со смехом, когда лейтенант Петров и Свищев пошли вслед за Розиним к двери.

Когда дверь за ними закрылась, военный прокурор жестом призвал оставшихся в кабинете начальника КЭЧ и Криспа сесть, сам уселся в служебное кресло и вновь обратился к начальнику КЭЧ, который во время всей этой сцены находился в прострации. Он явно был обескуражен и сбит с толку:

– Итак, продолжим, товарищ генерал. Для прояснения ситуации и ускорения нашей с вами беседы хочу доложить вам, что мы знаем, кого вы просили шантажировать подполковника Розина. Знаем, кто угрожал его семье по вашему приказу.

– Я им не приказывал угрожать расправой жене и детям, – сказал начальник КЭЧ.

– Не приказывали, – согласился военный прокурор. – Не приказывали напрямую. Но приказали сделать так, чтобы Розин выполнял те указания, которые вы через них будете передавать. Верно?

Начальник КЭЧ молчал.

Военный прокурор встал и прошелся по кабинету.

«Стереотип поведения, – вновь подумал Крисп, а потом сам себе мысленно возразил: – Нет. Продумывает последовательность вопросов. Чтобы бить вопросами наверняка».

– Все дело в здании военторга, не так ли? – спросил военный прокурор, но его вопрос носил характер утверждения.

Начальник КЭЧ застыл. Буквально. Теперь он сидел прямо, руки ладонями вперед лежали на столе. Он был бледен как полотно.

– Вы решили передать здание в аренду кооператорам, – продолжил военный прокурор. – Но это только для начала. В дальнейшем вы хотели его продать. Пока мы не знаем, с кем конкретно вы договорились, но знаем, что начальник военторга неожиданно для вас стал категорически возражать. И вы его убили. Не сами, конечно. Наняли через посредников убийц. Думаю, вы даже не знаете, кого конкретно вы наняли.

Начальник КЭЧ после этих слов как-то обмяк, посмотрел на Криспа, на военного прокурора, словно увидел их в первый раз, и тихо сказал:

– Никаких указаний на убийство начальника военторга я не давал. Вы с ума сошли. Мы с ним дружили. Я знал его много лет. Знал его детей, знал его жену.

– Жен, – поправил военный прокурор.

Начальник КЭЧ посмотрел на него и сказал:

– Ну да, жен. И это вы тоже раскопали.

– И про вашу жену, и вашу любовницу, которая сейчас в аэропорту, тоже, как вы изволили выразиться, раскопали. Вы ведь с ней должны сегодня улетать в ГДР?

– Какая теперь ГДР, – устало произнес начальник КЭЧ.

– Согласен, – сказал военный прокурор. – Что ей там делать без вас. Вот поэтому ее и задержали на пограничном контроле и скоро отправят домой. Кстати, ваша жена о ней знает?

– Нет, – грустно усмехнулся начальник КЭЧ. – Точнее, до сегодняшнего дня не знала.

– Да, – сказал военный прокурор. – Теперь-то уж точно узнает.

Военный прокурор вернулся за свой рабочий стол и сел в кресло.

– Итак, – сказал военный прокурор, – с шантажом мы разобрались. Что со зданием?

Начальник КЭЧ откинулся на спинку стула и сказал:

– Здание старое. Требуется капитальный ремонт. Мы посчитали смету этого ремонта и поняли, что у министерства таких денег нет. Вот и появилась идея передать это здание в аренду кооператорам. И деньги заработаем, и ремонт сделаем. Что здесь плохого?

– Ничего, – ответил военный прокурор. – Кроме того, что это незаконно.

– А что сейчас законно и что незаконно, – с вызовом сказал начальник КЭЧ. – Денег нет, но ремонт обеспечить. Квартире строить не на что, но офицерам жилье предоставь!

– Ну, будет плакаться, – сказал военный прокурор. – Знаете, сколько раз я эту песню слышал. Значит, вы признаете, что хотели сдать здание военторга в аренду, а начальник военторга стал против этого возражать?

Начальник КЭЧ отрицательно помотал головой и сказал:

– Он сначала был за. А потом вдруг передумал.

– Когда узнал, что вы хотите его не сдать в аренду, а под видом аренды продать, – встрял в разговор Крисп.

– Товарищ капитан! – сердито произнес военный прокурор, но Крисп уловил в его тоне непроизвольно прозвучавшее одобрение. Реплика была произнесена и к месту, и вовремя.

Начальник КЭЧ опять покачал головой. Только уже не отрицательно, а как будто обреченно.

– И тогда вы приказали его убить, – то ли спросил, то ли просто сказал военный прокурор.

– Я больше ничего говорить не буду, – сказал начальник КЭЧ.

– Ваше право, – констатировал военный прокурор и снял телефонную трубку.

– Конвой, – коротко приказал военный прокурор.

Дверь открылась, на пороге опять появились дежурный офицер, ординарец, но к ним теперь добавились офицер внутренней службы и двое солдат с погонами, на которых красовались две буквы «ВВ» – внутренние войска.

– Товарищ начальник конвоя! Отведите товарища генерала в кабинет капитана Криспа, дежурный офицер вам покажет. Там сейчас находятся майор Свищев и лейтенант Петров. Скажите лейтенанту Петрову, что я приказал допросить товарища генерала в качестве подозреваемого. А Свищеву скажите, чтобы он возвращался сюда.

Начальник конвоя подошел к начальнику КЭЧ. Тот медленно поднялся и последовал за конвоем из кабинета.

Военный прокурор посмотрел на Криспа. Крисп утвердительно кивнул головой. Прошла минута-другая.

В кабинет вошел майор Свищев. На нем была новая форменная зеленая рубашка.

– Ну вот, – сказал военный прокурор, – я же говорил, что у нас с вами один размер.

– Спасибо, товарищ полковник, – сказал Свищев. – Я вам верну.

Военный прокурор отмахнулся:

– Перестаньте. Вы же знаете, что у меня их достаточно. С этим, слава богу, в стране и армии проблем пока нет.

– Так точно, – согласился майор Свищев. – И за это спасибо не только Богу, но и нашему руководству.

– Само собой, – опять отмахнулся военный прокурор. – Вы же понимаете, что это фигура речи.

– Разумеется, – сказал Свищев.

«Но в докладной записке, которую ты ежедневно направляешь своему прямому руководителю, ты обязательно напишешь, что военный прокурор все благодарит Бога, а не партийное руководство», – мысленно констатировал Крисп.

– Ну что ж, – обратился к оставшимся в кабинете Криспу и майору Свищеву военный прокурор, – дело можно считать раскрытым. Спасибо, капитан, и спасибо вам, товарищ майор. Еще раз спасибо за капитана Криспа отдельно.

При этих словах военный прокурор протянул руку и пожал поочередно руки Свищева и Криспа.

– Думаю, в ближайшее время начальник КЭЧ сдаст нам убийц начальника военторга. Посидит денек-другой в следственном изоляторе, покумекает и сдаст. Зачем они ему теперь?

Военный прокурор встал, Крисп и Свищев тоже поднялись.

– Всего доброго и до встречи, – попрощался военный прокурор.

Свищев первым пошел к двери. Крисп тоже сделал шаг в сторону двери, но остановился.

– Товарищ полковник, – сказал Крисп, – я думаю, что начальник КЭЧ никого нам не сдаст.

8 июля. 11:00

Свищев почти дошел до двери, но при этих словах остановился и обернулся. Произошла некоторая заминка. Все стояли, застыв словно в финальной сцене пьесы Николая Васильевича Гоголя «Ревизор».

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, но в наступившей неестественной тишине послышался звук открываемой двери, и в кабинет вошел подполковник Розин. На пороге двери, которая оставалась открытой, стоял еще один конвой. Тоже офицер, тоже двое рядовых внутренней службы, но другие, не те, которые увели для допроса начальника КЭЧ.

Свищев удивленно посмотрел на Розина, на конвойных, на военного прокурора и на Криспа.

Военный прокурор, выдержав очередную «мхатовскую» паузу, ровным голосом произнес:

– Подполковник Розин, закройте, пожалуйста, дверь и займите свое место за столом.

Розин закрыл перед конвоем дверь и послушно сел за стол. Вел он себя так, как будто ничего не произошло.

Свищев продолжал стоять возле двери. Он оказался в полуобороте – вроде как стоял по направлению к двери, но смотрел не на дверь, а назад, на военного прокурора.

Крисп в свою очередь, наоборот, смотрел на Свищева.

– Что вы сказали, товарищ капитан? – спросил военный прокурор, обращаясь к Криспу. – Повторите.

– Товарищ полковник, – сказал Крисп, – я сказал, что, по моему убеждению, начальник КЭЧ не назовет нам имя убийцы, потому что он не только не убивал начальника военторга, но и не приказывал его убивать. Он вообще сегодня впервые узнал, что начальника военторга убили.

Свою речь Крисп вроде как адресовал военному прокурору, но при этом продолжал смотреть почему-то на Свищева, а не на военного прокурора.

– Вот как? – сделал вид, что удивился военный прокурор. – И почему вы так в этом уверены, товарищ капитан?

Говорил военный прокурор, обращаясь тоже вроде как к Криспу, но, как и Крисп, смотрел не на него, а на Свищева.

– В чем дело? – с угрозой спросил майор Свищев. – Что здесь происходит?

– Мне кажется, – тихо сказал военный прокурор, – капитан Крисп хочет с нами поделиться какой-то важной информацией.

В течение минуты между всеми участниками событий происходила дуэль взглядов. Свищев смотрел то на военного прокурора, то на Розина, то на Криспа.

– Присаживайтесь, – сказал военный прокурор Свищеву. – Послушаем.

Свищев злобно сверкнул глазами, хотел что-то сказать, но передумал и вернулся обратно к столу. Крисп сел на свое место, поскольку далеко уйти он не успел, да и не собирался. Ведь все было обговорено с военным прокурором заранее. Получилось так, что Свищев и Крисп оказались напротив друг друга, Розин сидел на дальнем стуле от военного прокурора, явно перегораживая путь Свищеву к двери.

Свищев еще раз оглядел присутствующих, теперь он откровенно цинично усмехнулся и спросил, обращаясь исключительно к военному прокурору, очевидно демонстрируя пренебрежение к остальным участникам разворачивающегося действия:

– А мое начальство в курсе вашего прокурорского произвола?

– А как вы думаете? – ответил вопросом на вопрос военный прокурор. – Вчера вот капитан Крисп подробно доложил свою версию вашему прямому начальнику, и она его очень сильно расстроила. Не хотите ли и вы послушать версию капитана Криспа?

– Смешно, – сказал Свищев. – Давайте, начинайте уже. Хватит прелюдий и дешевых спектаклей.

– Начальник КЭЧ действительно не хотел смерти начальника военторга. Они и вправду очень дружили. Давно друг друга знали, – начал свой рассказ Крисп. – До сегодняшнего дня начальник КЭЧ был уверен, что его старый друг – начальник военторга покончил жизнь самоубийством. Поэтому он так ретиво взялся помогать обеим семьям начальника военторга. Поэтому стал их прятать, опасаясь, что мы, то есть следователи, начнем их расспрашивать, а те что-нибудь скажут про продажу здания. Поэтому он сделал им липовые паспорта. Поэтому передал им не только деньги покойного начальника военторга, но и добавил еще свои. У них были, так сказать, общие сбережения, скопленные в том числе за счет мелких торговых манипуляций.

Последние слова Крисп адресовал военному прокурору.

– Понятно, – ответил тот. – Торговый, так сказать, общак. Кстати, изготовление фальшивых документов – это ведь еще одна статья для начальника КЭЧ, не так ли, товарищ майор?

Свищев усмехнулся, но ничего не ответил, хотя вопрос был адресован непосредственно ему.

– Продолжайте, товарищ капитан, – сказал военный прокурор.

Крисп продолжил:

– Начальник КЭЧ решил спрятать обеих жен и детей начальника военторга. У него есть несколько квартир, оформленных по поддельным документам, причем в разных городах Советского Союза. Одна даже в Ташкенте. Так что варианты для того, чтобы спрятать семью, вернее, семьи начальника военторга были. Действовал начальник КЭЧ очень быстро. Он ведь не знал, о чем дома начальник военторга говорил со своими женами. Особенно после того, как отказался участвовать в продаже здания. Надо признать, что само мнимое самоубийство оказалось для начальника КЭЧ как нельзя кстати. Я думаю, он действительно вполне искренне переживал из-за смерти друга. Но в глубине души, а может быть, и не совсем в глубине радовался этой смерти. Сколько концов сразу ушло в воду. И вопрос о сделке по зданию был решен практически сам собой.

Крисп сделал небольшую паузу и продолжил докладывать дальше:

– Я думаю, что в той же самой глубине души начальник КЭЧ догадывался, что со смертью начальника военторга не все чисто. Он не мог не понимать, что все слишком удачно сложилось для него и для сделки, за которой стоят, насколько я могу догадываться, и другие люди.

При этих словах Крисп увидел, как Свищев вновь едва заметно усмехнулся.

«Я на верном пути», – подумал Крисп.

– И это была дополнительная причина, почему начальник КЭЧ стал прятать семьи начальника военторга и его детей, – продолжал излагать свою версию Крисп. – Он не только боялся, что они проболтаются. Больше этого он боялся за их жизни. И тут ему предложили замечательную комбинацию по затягиванию следствия, на случай если в версии о самоубийстве вдруг возникнут какие-то проблемы, ну, например, Розин начнет, несмотря на шантаж, проявлять ненужное рвение.

– Или начнет тайно привлекать к делу других следователей, – неожиданно сказал военный прокурор.

Крисп удивленно на него посмотрел.

– Продолжайте, – сказал ему военный прокурор.

– Может быть, – согласился Крисп. – Ну, в общем, начальнику КЭЧ предложили инсценировать убийство семьи начальника военторга. Предварительно об этом шантажисты намека-

нули подполковнику Розину, мол, не только твоя семья в опасности, но и семья начальника военторга, смотри не рыпайся.

– Что там намекнули, – подал голос Розин, – прямо сказали.

– Да, – продолжил Крисп. – Придумано хитро. Убийство семьи начальника военторга должно было окончательно сломить подполковника Розина, а пока следствие разберется, что к чему и что убита вовсе не вдова начальника военторга, сделка по зданию будет завершена, а победителей, как говорится, никто не судит. Ну а что касается убийства, одним «глухарем» больше, одним меньше. К тому времени жены и дети начальника военторга должны были быть устроены по новым документам где-нибудь, как я предполагаю, в Прибалтике.

– Почему в Прибалтике? – спросил военный прокурор.

– У них там знакомые. Еще до войны жили. Родители сгинули в нацистских концентрационных лагерях, а вот детей спасли. Красная Армия спасла. Они были евреи, а у евреев довольно сильная поддержка друг друга. Наверное, после всех гонений на них, особенно при нацистах. Одна из жен начальника военторга еврейка, – ответил военному прокурору Крисп и добавил: – Кроме того, Прибалтика – это почти граница. И я думаю, что в конце концов начальник КЭЧ хотел каким-то образом вывезти и детей, и жен начальника военторга за пределы СССР. Тем более что, как вы знаете, товарищ полковник, и не знает товарищ майор Свищев, на квартире, где прятались и жены, и дети начальника военторга, мы нашли приличную сумму в иностранной валюте. Уверен, что это далеко не все деньги, которые мы вскоре еще обнаружим. Не зря же начальник КЭЧ хотел улететь в ГДР. Я думаю, как раз для того, чтобы попытаться организовать нелегальный выезд семей начальника военторга.

– Интересно, – сказал военный прокурор. – Продолжайте.

– В эту историю каким-то образом втянули одну тяжелобольную знакомую той самой жены-еврейки. Она, кстати, тоже из Прибалтики.

Крисп сделал паузу. Он заметил, как напрягся при последних словах Свищев.

– Я думаю, что ей заплатили хорошие деньги. У нее больной умственно отсталый сын, – пояснил Крисп военному прокурору и продолжил: – Ей предложили сыграть роль вдовы начальника военторга, тем более что она давно работала прислугой на даче начальника военторга, и тетя Шура, как мы с подполковником Розиным выяснили, видела обычно ее, а не настоящую жену. Поэтому она принимала служанку за жену, тем более та все время была с детьми и на виду.

Крисп слегка наклонился и как бы доверительно добавил:

– Здесь была еще одна хитрость, товарищ полковник. Дело в том, что на даче жили сразу две жены и общие дети. Чтобы не вызывать лишних вопросов, начальник военторга часто жен выдавал за прислугу, а прислугу за жену. Лейтенант Петров нашел еще одну квартиру начальника военторга и решил, что в ней проживает вторая или другая, я уж не знаю, кто из них какая по счету, жена. Но он ошибся. Это была квартира для любовницы, которой начальник военторга собирался эту квартиру передать, но то ли не успел, то ли передумал после того, как начались проблемы со зданием военторга.

– О покойниках, конечно, не принято, – начал военный прокурор и сам себя тут же прервал: – Ну ладно, продолжайте.

– Сначала убийство прислуги не входило в планы преступника. Женщину действительно похитили вместе с детьми, затем детей, что также было заранее оговорено, передали настоящим мамам, а мнимую вдову где-то спрятали, причем для верности связав.

– Зачем, если все было спланировано? – спросил военный прокурор.

– Я думаю, что ей сказали, что ее подержат так, а потом отпустят. А чтобы похищение выглядело натурально, нужны были доказательства. Вот синяки от веревок – те самые доказательства.

– Интересно, – сказал военный прокурор и обратился к Свищеву и Розину: – Интересно?

– Интересно, – подтвердил Розин.

– Очень, – усмехнулся Свищев.

– Продолжайте, – сказал военный прокурор Криспу.

– На самом деле преступник не собирался отпускать несчастную женщину живой. Он понял, что в этом деле ставки слишком высоки и надо идти до конца. Думаю, нет, уверен, что с самого начала преступник планировал ее убить. Начальнику КЭЧ только пускали пыль в глаза. Использовали его, так сказать.

– Но как-то убивал он странно, – подал голос Розин. – Если все заранее спланировал, то действовал уж очень топорно.

– Очень хорошая реплика, – похвалил Розина Крисп. – Напомните мне об этом в конце моего изложения версии.

– Ну-ну, – поторопил Криспа военный прокурор.

Обстановка складывалась несколько абсурдная, если не абстрактная. В какой-то момент все перестали воспринимать обстановку как официальную и каждый со своей стороны все внимательнее погружался в изложение версии Криспа.

Крисп продолжал:

– Ну, вот. Убийство прислуги состоялось, и план по запутыванию следов, точнее, план по отвлечению внимания от продажи здания военторга перешел в завершающую стадию. Должен сказать, что у того, кто все это придумал, почти все получилось. Подполковник Розин был выключен из расследования и даже благодаря шантажистам несколько запутал дело о самоубийстве, выполняя указания по неназначению нужных экспертиз. На установление личности погибшей мнимой вдовы времени особо не было, тем более что надо было искать ее детей, жизни которых, как мы все ошибочно полагали, угрожает опасность. Внимание Главной военной прокуратуры было обращено на действия подполковника Розина, который вел себя неадекватно, если не сказать противозаконно. Так что все шло к тому, что здание военторга должно было быть продано...

Крисп сделал паузу и обратился к Свищеву:

– Когда оно должно было быть продано, Петр Гаврилович?

– Откуда я знаю, – холодно сказал Свищев.

– Действительно, откуда, – сказал Крисп. – Ведь вы с начальником КЭЧ никогда не были знакомы. Как я уже сказал, я убежден, что начальник КЭЧ к убийству начальника военторга, а тем более к убийству несчастной больной женщины, имитировавшей его вдову, не имеет никакого отношения. И вообще, особенно после сегодняшнего разговора мне кажется, он во всей этой истории далеко не главный фигурант.

Свищев вальяжно растянулся на стуле и спокойно произнес:

– Уж не хотите ли вы сказать, товарищи офицеры, что я – главный фигурант этого дела?

– Не знаю, – сказал Крисп. – Но начальника военторга убили именно вы.

Крисп замолчал. Военный прокурор тоже молчал. Свищев смотрел прямо в глаза Криспу. Так продолжалось некоторое время.

Наконец Свищев сказал:

– Вот и спасай после этого людям жизнь.

– Вы спасали не мою, а свою жизнь, – сказал Крисп и обратился к военному прокурору: – Разрешите я доложу обо всем по порядку.

– Докладывайте, товарищ капитан, – сказал военный прокурор.

– Вы с самого начала вовлечены в это дело, – продолжил свой монолог Крисп, теперь уже обращаясь исключительно к Свищеву. – Начальник КЭЧ о вас ничего не знает. Но именно вы через его окружение подсказывали начальнику КЭЧ, какие команды и кому отдавать. Вы подсказали ему идею шантажировать подполковника Розина для того, чтобы тот как можно быстрее закрыл дело о самоубийстве. По вашей подсказке в дело был вовлечен Сергей, эксперт

с Петровки, 38, которого вы свели с начальником КЭЧ и который выступил в роли шантажиста. Вы навели начальника КЭЧ на идею, чтобы Сергей запугал подполковника Розина информацией об убийстве жены и детей начальника военторга. Впрочем, изучая то, как вы манипулировали людьми, думаю, что вы сделали так, что начальник КЭЧ в глаза не видел Сергея. Общался он, скорее всего, с ним исключительно по телефону, но все это устроили вы.

– Домыслы, – сказал Свищев.

– Возможно, – не стал спорить Крисп. – Ваше знакомство с экспертами Сергеем и Андреем очевидно, но ваша криминальная связь с Сергеем никому неизвестна, кроме вас и Сергея. А Сергея вы убили, спасая меня. Убили в пределах крайней необходимости, то есть законно убили опасного соучастника и единственного человека, который все знал о вашей роли в этом деле. Ну и заодно вы убили потенциального свидетеля Андрея, который не знал всей информации о вас, но, поскольку был впутан в дела Сергея, мог в конце концов обо всем догадаться.

– Сейчас действительно стало интересно, – сказал Свищев, обращаясь к Криспу. Он как бы забыл о том, что рядом находится военный прокурор. – Ну и в чем же состояло мое преступное соучастие с Сергеем?

– Я думаю, – начал отвечать Крисп, – что у вас скопилось достаточно информации о махинациях Сергея и Андрея с вещдоками и подтягиванием результатов осмотров мест происшествия под нужную для следователей версию. Вы их завербовали. Так это называется?

– Это у бандитов и обывателей так это называется, – сказал Свищев. – У нас это называется привлечением к соучастничеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.